

INSPIRIA

«Невероятно увлекательное чтение, мастерски
выстроенный сюжет и черный юмор».

ЭЛИЗАБЕТ ГИЛБЕРТ

INSPIRIA

Novel. Семейный альбом

Синтия Д'Апри Суини

Гнездо

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(7Coe)-44

Д'Апри Суини С.

Гнездо / С. Д'Апри Суини — «Эксмо», 2016 — (Novel.
Семейный альбом)

ISBN 978-5-04-155079-0

Знакомьтесь, Мелоди Плам. Ей было шестнадцать, когда отец решил основать трастовый фонд «Гнездо». Средства на счете будут недоступны, пока Мелоди не исполнится сорок. И все бы ничего, но у Мелоди есть непутевый брат Лео, падкий на женские формы, брат Джек, нелепо скрывающий, что нуждается в деньгах, и сестра Беатрис, мечтающая написать великий роман. Что до самой Мелоди – голова кругом. Кредит на покупку дома, мягкотелый муж, да и детям скоро в колледж. Мелоди так хочется, чтобы родные не ссорились, но через месяц ей исполнится сорок. Это будет так смешно и увлекательно, что в конечном счете станет незабываемо, потому что навсегда останется с вами. Бестселлер NEW YORK TIMES. Готовится экранизация! Это теплая, добрая, веселая история о семье и дружбе. О том, как деньги влияют на отношения с теми, кто нам дорог. Это развернутый ответ на сложный вопрос о том, как сохранить самое важное в жизни — любовь. «Невероятно увлекательное чтение, мастерски выстроенный сюжет и черный юмор». - Элизабет Гилберт «Герои Суини такие живые - точно театральная пьеса разыгрывается у вас на глазах. Я не могла отложить эту книгу». - ЭЛЛИ КЕМПЕР, американская актриса, для еженедельника TIME «И пока братья и сестры переживают финансовые трудности, их семейное наследство превращается в дойную корову». - COSMOPOLITAN «Увлекательный дебют Синтии Д'Апри Суини, которая знает свой город и его жителей». - KIRKUS REVIEWS «Весело и душевно. «Гнездо» - звездный дебют». - PEOPLE

УДК 821.161.1-31
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-155079-0

© Д'Апри Суини С., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	7
Часть первая. Снегтябрь	10
Глава первая	10
Глава вторая	23
Глава третья	25
Глава четвертая	29
Глава пятая	35
Глава шестая	38
Глава седьмая	45
Часть вторая. Поцелуй	48
Глава восьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Синтия Д'Апри Суини

Гнездо

Cynthia D'Aprix Sweeney
The Nest

Copyright © Cynthia D'Aprix Sweeney 2016

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Моей семье: родителям, Роджеру и Терезе; сестре Лауре; братьям
Ричарду и Тони – которые больше всего на свете любят хорошо
рассказанные истории*

*Всегда была дихотомия: что сохранить, что поменять.
Уильям Тревор «Жены настройщика пианино»*

*Я поняла, что эта история разобьет мне сердце,
Когда ты ее написал.
Я поняла, что эта история разобьет мне сердце.*

Эйми Манн «That's How I Knew This Story Would Break My Heart»

Пролог

Пока остальные гости бродили по террасе пляжного клуба под вечереющим летним небом, осторожно, оценивающе отпивая из бокалов, чтобы понять, не с верхней ли полки снимали бутылки бармены; пытаясь удержать крохотные крабовые кексикки на бумажных салфетках и произнося всякое подобающее случаю о том, как им всем повезло с погодой, потому что завтра опять будет сыро; бормоча неподобающее по поводу тесного атласного платья невесты – к примеру, объясняется ли то, что она вываливается из выреза, неумением портнихи, дурным вкусом («что-то с чем-то», как сказали бы их дочери) или внезапным набором веса; подмигивая и перебрасываясь проверенными шутками о том, что тостеры можно будет обменять на подгузники – Лео Плам ушел со свадьбы кузины с одной из официанток.

Лео избегал общества своей жены, Виктории, которая с ним практически не разговаривала, и своей сестры, Беатрис, которая говорила без умолку – в основном о том, что им всем надо собраться на День благодарения. *День благодарения*. В июле¹. Лео двадцать лет не проводил праздники с семьей, с середины девяностых, если память его не подводила, и начинать сейчас был не в настроении.

Лео был на взводе и как раз искал пустой бар, по слухам находившийся где-то снаружи, когда заметил Матильду Родригес, несшую поднос бокалов с шампанским. Она двигалась сквозь толпу в лучистом сиянии – отчасти потому, что заходящее солнце заливало восточную оконечность Лонг-Айленда неприлично розовым, отчасти потому, что синапсы Лео бушевали под действием очень, очень хорошего кокаина. Пузырьки, поднимавшиеся и опускавшиеся над подносом Матильды, казались неистовым призывом, приглашением, адресованным ему одному. Густые черные волосы были зачесаны наверх от широких плоскостей лица и собраны в удобный пучок; она вся была – чернильные глаза и пухлые красные губы. Пока она пробиралась среди гостей, Лео наблюдал за изящным покачиванием ее бедер, смотрел на уже пустой поднос, поднятый над ее головой, как факел. Он ухватил у проходившего мимо официанта martini и пошел за ней следом сквозь распашные двери из нержавеющей стали – на кухню.

Матильде (девятнадцатилетней, мечтающей стать певицей неуверенной официантке) казалось, что только минуту назад она разносила шампанское семидесяти пяти членам семейства Плам в расширенном составе и их друзьям – и вот уже мчит к проливу Лонг-Айленд в новеньком арендованном «Порше» Лео, запустив руку в его тесноватые льняные брюки, и подушечкой большого пальца неумело обрабатывает снизу его член.

Поначалу она сопротивлялась, когда Лео затащил ее в кладовку, схватив за запястья и забрасывая вопросами: «Ты кто? Откуда ты? А еще чем занимаешься? Ты модель? Актриса? Ты знаешь, какая ты красивая?»

Матильда знала, чего хочет Лео; к ней постоянно подкатывали на таких мероприятиях, но обычно мужчины были куда моложе – или до смешного старше, просто древние – и заходили с набором тупых пикаперских фразочек и неуловимо оскорбительных попыток польстить. (Ее постоянно называли «Джей Ло», хотя Матильда совсем не была на нее похожа; родители у нее были из Мексики, а не из Пуэрто-Рико.) Даже в этой состоятельной толпе Лео был неприлично красив: это слово она точно никогда не применяла к кому-то, чье внимание ее почти радовало. Она могла сказать «огонь», или «милый», или даже «шикарный», но «красивый»? Мальчишки, которых она знала, до красоты еще не доросли. Матильда поймала себя на том, что смотрит на лицо Лео, пытаясь понять, из чего складывается красота. Как и у нее, у него были темные глаза и волосы, широкий лоб. Но черты его лица были острыми и угловатыми, а ее – округлыми

¹ День благодарения в США отмечается в конце ноября. – Здесь и далее прим. ред.

и мягкими. Ему бы играть кого-нибудь выдающегося в телесериале – может, хирурга, ну а она была бы смертельно больной пациенткой, умоляющей об излечении.

Сквозь дверь кладовки она слышала, как музыканты – на самом деле целый оркестр, их было человек шестнадцать – играют обычный свадебный репертуар. Лео схватил ее за руки и станцевал короткий тустеп. Он пел ей на ухо, поверх музыки, приятно живым и полным голосом. *«Однажды, когда мне будет плохо, когда будет холодно, я (та-да-дам) просто вспомню тебя и то, какой ты сегодня была»*².

Матильда помотала головой и, рассмеявшись, отстранилась. Его внимание нервировало, но еще оно задевало что-то глубоко у нее внутри. Отбиваться от Лео в кладовке было куда интереснее, чем заворачивать спаржу в прошутто на кухне, чем она сейчас и должна была бы заниматься. Когда она робко сказала ему, что хочет быть певицей, он немедленно сообщил, что у него есть друзья в «Коламбия Рекордс», друзья, которые вечно ищут новые таланты. Он снова придвинулся к ней, и она встревожилась, когда он немножко споткнулся и ему, казалось, приходилось упираться ладонью в стену, чтобы сохранять равновесие, но ее беспокойство улетучилось, когда он спросил, есть ли у нее демозапись, что-нибудь, что можно послушать в машине.

– Потому что, если мне понравится, – сказал Лео, сжимая тонкие пальцы Матильды в своих, – я сразу захочу взяться за дело. Помочь тебе встретиться с нужными людьми.

Когда Лео ловко вел Матильду по парковке, чтобы не столкнуться со служителем, она оглянулась на дверь кухни. Эту работу ей нашел кузен Фернандо, и он взбесится, когда узнает, что она просто взяла и ушла. Но Лео сказал: *«Коламбия Рекордс»*. Он сказал: *«Вечно ищут новые таланты»*. Когда еще ей представится такая возможность? Ее и не будет-то всего ничего, ровно столько, сколько нужно, чтобы произвести хорошее впечатление.

– Томми Моттола нашел Мэрайю³, когда она была официанткой, – сказала Матильда отчасти в шутку, отчасти пытаясь оправдать свое поведение.

– Правда?

Лео тащил ее к машине, посматривая на окна пляжного клуба, выходящие на парковку. Виктория вполне могла его увидеть с боковой террасы, где собрались все, и еще могла заметить его отсутствие и теперь рыскать по округе. В ярости.

Матильда остановилась у двери машины и сбросила черные тряпочные рабочие тапочки. Вынула из потертого пластикового пакета пару серебристых босоножек на шпильке.

– Для этого вообще-то не надо переобуваться, – сказал Лео, подавляя желание взять ее за тонкую талию прямо здесь и сейчас, на глазах у всех.

– Но мы же едем в бар? – уточнила Матильда.

Он что-то говорил про бар? Бар был совершенно исключен. В родном крохотном городке его все знали – и его семью, и мать, и жену. Он допил martini и бросил пустой бокал в кусты.

– Если дама хочет выпить, найдем, – сказал Лео.

Матильда надела босоножки, бережно закрепила тонкий металлически блестящий ремешок над распухшей левой щиколоткой, потом над правой. Выпрямилась, и ее глаза оказались на уровне глаз Лео.

– Ненавижу плоскую подошву, – сказала она, слегка одергивая обтягивающую белую блузку. – От нее такое чувство, что ты вся вообще плоская.

Лео почти втолкнул Матильду на переднее сиденье, с глаз долой, за надежно затонированное стекло.

² Цитата из песни *«The way you look tonight»*.

³ Томми Моттола (р. 1949) – американский продюсер, был руководителем ряда звукозаписывающих компаний, наиболее заметная из которых – Sony Music Entertainment. В 1988 году познакомился с начинающей певицей Мэрайей Кэри и подписал с ней контракт, что стало началом ее успеха. В 1993 году они поженились, в 1997-м – развелись.

Матильду, сидевшую на переднем сиденье машины, поразил собственный металлический гнусавый голос, раздававшийся из неприлично качественных автомобильных динамиков. Он звучал совсем не так, как на старом компьютере сестры. Несравнимо лучше.

Лео слушал и постукивал ладонью по рулю. Обручальное кольцо посверкивало в рассеянных лучах потолочного светильника. С женатыми Матильда принципиально не имела дела. Она видела, как Лео пытается изобразить, что его заинтересовал ее голос, ищет, что бы такого лестного сказать.

– У меня есть записи получше. Я не то загрузила, – сказала Матильда. Она чувствовала, как у нее от стыда загораются уши. Лео смотрел в окно. – Я лучше пойду обратно, – она взялась за дверную ручку.

– Не надо, – сказал Лео, положив руку ей на бедро.

Она подавила желание отстраниться и выпрямилась; мысли путались. Как бы удержать его внимание? Она терпеть не могла работу официантки, но Фернандо ее просто *убьет* за то, что она исчезла в разгар обеда. Лео беззастенчиво пялился на ее грудь. Она посмотрела на свои колени и увидела на черных брюках маленькое пятнышко. Поскребла ногтем – капля заправки с бальзамиком; она ее литрами мешала. Внутри сейчас все, наверное, раскладывают по тарелкам месклан и креветки гриль, выжимая заправку из бутылочек по краю тарелки чем-то вроде волны, какие рисуют дети, чтобы изобразить море.

– Я бы хотела увидеть океан, – тихо сказала она.

И тут, так медленно, что она сначала даже не поняла, что происходит, Лео взял ее руку (на одно глупое мгновение ей показалось, что он сейчас поднесет ее к губам, как герой маминого сериала) и положил себе на колено. И она навсегда запомнит то, как он на нее смотрел. Он не закрыл глаза, не откинул голову, не набросился с мокрыми поцелуями, не принялся возиться с пуговицами ее блузки; он пристально и долго смотрел ей в глаза. Он ее *видел*.

Она чувствовала, как он отзывается на прикосновение, и это заводило. Лео смотрел ей в глаза, а она слегка сжала пальцы, и баланс сил в машине внезапно сместился в ее сторону.

– Я думала, мы поедем к океану, – сказала она; ей хотелось убраться подальше от кухни.

Он усмехнулся и включил заднюю передачу. Она расстегнула ему брюки, прежде чем он до конца защелкнул ремень.

Нельзя винить Лео за то, что он так быстро достиг кульминации. Жена уже несколько недель держала его на голодном пайке, после того как застукала милующимся с няней в дальнем коридоре летнего домика друзей. Гоня машину к воде, Лео надеялся, что сочетание выпивки, кокаина и велбутрина замедлит его реакцию, но, когда Матильда решительно сжала руку, он понял, что все происходит слишком быстро. На секунду закрыл глаза – всего на секунду, – чтобы собраться, отвлечься от пьянящего образа ее руки, коротко подстриженных голубых ногтей, движущихся вверх и вниз. Лео так и не увидел внедорожник, вылетевший на Оушен-авеню справа, наперерез их машине. Он слишком поздно понял, что визжала не Матильда в динамиках, а что-то совершенно иное.

Они оба и завизжать-то не успели.

Часть первая. Снегтябрь

Глава первая

Поскольку трое Пламов накануне вечером договорились по телефону, что при своем брате Лео пить не станут, все они – не подозревая о том – сидели сейчас в барах возле Гранд Централ⁴, тайком наслаждаясь предобеденным коктейлем.

Стоял странный осенний день. Два дня назад на среднеатлантическое побережье обрушился северо-восточный ветер, столкнувшийся с холодным фронтом, надвигавшимся со стороны Огайо, и арктическими воздушными массами, спускавшимися из Канады. Буря, которая разразилась в результате, кое-где обернулась рекордными снегопадами, завалившими города от Пенсильвании до Мэна; чудовищно ранняя зима. В спальном пригороде в тридцати милях к северу от Манхэттена, где жила Мелоди Плам, деревья большей частью еще не сбросили листья, и многие рухнули под тяжестью снега и льда. Улицы были усыпаны обломившимися ветками, кое-где до сих пор не было электричества, и мэр поговаривал об отмене Хеллоуина.

Несмотря на пронизывающий холод и короткие перебои с током, поезд Мелоди добрался до Гранд Централ без приключений. Она уселась в баре отеля «Хаятт» на Сорок второй улице, точно зная, что там не столкнется ни с братом, ни с сестрой; она предлагала пообедать в ресторане отеля вместо их обычного места, «Устричного бара» на Гранд Централ, и Джек с Беатрис ее высмеяли, поскольку «Хаятт» не входил в список приемлемых заведений по каким-то таинственным критериям, разбираться в которых у нее не было ни малейшего желания. Она больше не собиралась чувствовать себя хуже этих двоих, не собиралась тушеваться из-за того, что не разделяет их преклонения перед всем староманхэттенским.

Сидя за столиком возле высоченного окна на верхнем уровне огромного вестибюля (приходилось признать, очень неприветливого – слишком большой, серый и современный, над головой маячит какая-то жуткая скульптура из стальных труб, она так и слышала, как смеются над ней Джек и Беа; хорошо, что их тут нет), Мелоди заказала бокал самого недорогого белого вина (двенадцать долларов, дома она столько и на бутылку не потратила бы) и понадеялась, что бармен нальет пощедрее.

Погода с самой бури так и держалась не по сезону холодная, но солнце наконец-то выглянуло, и температура начала подниматься. Кучи снега на всех перекрестках быстро таяли, превращаясь в несудоходные озера ледяной каши. Мелоди наблюдала, как одна особенно неэлегантная женщина пыталась перепрыгнуть стоячую воду и промахнулась на пару дюймов, приземлившись красной балеткой точно в лужу – должно быть, ледяную и грязную. Мелоди

⁴ Центральный вокзал Нью-Йорка. Рядом с ним находятся три одноименные станции метро.

бы не отказалась от пары таких же симпатичных туфель, но ей бы уж точно не пришло в голову надеть их в такой день.

Она ощутила укол тревоги, подумав о том, как ее дочери приедут в центр и как им придется пробираться по столь ненадежным перекресткам. Отпила вина (так себе), вынула из кармана телефон и открыла свое любимое приложение, которое Нора называла «Сталкервилем». Нажала кнопку «Найти», подождала, пока загрузится карта и на экране материализуется точка, обозначающая ее шестнадцатилетних близнецов.

Мелоди до сих пор не верилось в это чудо – устройство, которое помещается в руке и позволяет точно отследить, где сейчас Нора и Луиза, если только телефоны при них. А они же подростки, телефоны при них *всегда*. Когда начала появляться карта, сердце Мелоди привычно панически заколотилось, а затем в верхней части экрана выскочили два пульсирующих синих кружка и надпись «*Найдено!*»; приложение показывало, что девочки именно там, где и должны быть, – в учебном центре на севере города.

Они уже больше месяца ездили на занятия по выходным, и обычно Мелоди отслеживала их утренний путь от кухонного стола, наблюдая, как синие точки медленно скользят на север от Гранд Сентрал в точном соответствии с ее указаниями: от вокзала автобусом по Мэдисон-стрит до Пятьдесят девятой, там выйти и идти на запад до учебного центра на Шестьдесят третьей, сразу за Коламбус-авеню. Идти полагалось не вдоль парка, а по южной стороне улицы – мимо строя швейцаров в форме, которые услышат крик девочек, если те попадут в беду. Заходить в Центральный парк или отклоняться от маршрута было строжайше запрещено. Мелоди каждую неделю внушала дочерям страх божий, забивая им головы историями о пропавших девочках, о девочках, которых похитили, заставили заниматься проституцией, или убили, или выбросили в реку.

– Верхний Вест-Сайд – не совсем уж Калькутта, – мягко возражал ее муж, Уолтер.

Но ей было страшно. При мысли о том, что девочки бродят по городу, лишенные ее защиты, сердце у нее колотилось, а ладони потели. Они и сейчас потели. Когда они вместе сегодня вышли с Гранд Сентрал, Мелоди не хотела отпускать девочек. В субботу вокзал был полон туристов, сверявшихся с путеводителями и расписаниями поездов, пытавшихся найти шепчущую галерею⁵. Мелоди поцеловала девочек на прощанье и смотрела им вслед, пока видела их затылки – один светленький, второй темненький. Они не были похожи на приезжих; в том, как они двигались сквозь толпу, не было никакой неуверенности. Вид у них был такой, словно они – часть этого города, и от этого Мелоди стало не по себе. Она хотела, чтобы они были ее частью, чтобы перестали взрослеть. Они больше не делились с ней всеми своими мыслями, желаниями и тревогами; она не знала, что у них на уме и на сердце, как раньше. Мелоди понимала, что дать им повзрослеть и отпустить их – нормальный ход вещей. Она хотела, чтобы они были сильными, независимыми и счастливыми – больше всего на свете она хотела, чтобы они были счастливы, – но от того, что она больше не могла их направить, у нее кружилась голова. Если нельзя точно знать, как они идут по жизни, то можно хотя бы посмотреть, как они просто идут – прямо здесь, на ладони. Хоть это у нее осталось.

– Лео никогда не вернет вам деньги, – сказал Уолтер, когда она собиралась на вокзал. – Вы все размышлялись и тратите время впустую.

Мелоди боялась, что он прав, но ей нужно было верить, что он ошибается. Они взяли большой кредит на покупку дома, маленького исторического особняка на одной из самых красивых улиц города, а после могли только наблюдать, как рушится экономика и падают цены на недвижимость. Процентные ставки по ипотеке были плавающими и должны были вскоре уве-

⁵ Шепчущая галерея – помещение, в котором шепот хорошо распространяется вдоль стен, но не слышен в центральной части. На Гранд Сентрал такое помещение находится совсем рядом с «Устричным баром» (*Grand Central Oyster Bar*), в котором собирается семья Пламов.

личиться, но они и так уже не могли себе позволить ее выплачивать. Неустойчивый рынок не позволял перекредитоваться. Дело шло к колледжу, а у них ничего не было на счетах; Мелоди все это время рассчитывала на «Гнездо».

Мелоди смотрела, как люди на улице стягивают перчатки и разматывают шарфы, поднимая лица к солнцу. С некоторым (едва заметным) удовлетворением она подумала, что, если захочет, может весь день провести под крышей. Главная причина, по которой Мелоди так любила бар в «Хаятте», заключалась в том, что попасть сюда можно было через малолюдный неприметный переход, соединявший отель с вокзалом Гранд Централ. Когда подойдет время обеда, она вернется на вокзал по своему тайному коридору и спустится в «Устричный бар». Она проведет в Нью-Йорке несколько часов, и ей не надо будет ни одной удобно обутой ногой ступать на его тротуары, ей можно вообще не дышать воздухом Манхэттена, который она всегда представляла полным серой взвеси. Когда они с Уолтером недолго и скромно жили в Верхнем Манхэттене после рождения близнецов, она вела яростную, но обреченную битву с городской копотью. Сколько ни протирай деревянные поверхности влажной тряпкой – черные крапинки появятся снова, иногда уже через несколько часов. Источник их был неясен, и осадок этот ее тревожил. Казалось, что это физическое проявление упадка, в который приходит город, словно кишащие в нем массы истираются в липкую, серую пыль на окне.

Она заметила на другом конце зала женщину, которая тоже держала в руке винный бокал, и не сразу узнала свое отражение. Волосы у нее были светлее обычного – она выбрала в аптеке более светлый оттенок, надеясь, что он смягчит вытянутый нос и мощный подбородок, который они с сестрой Беатрис унаследовали от отцовских предков из Новой Англии. Твердые черты в случае Беатрис каким-то образом сложились удачно (Лео звал ее «Мадам Икс», в честь портрета Сарджента⁶), но Мелоди они просто придавали излишне суровый вид. Особенно она не любила свое лицо перед Хеллоуином. Однажды, когда девочки были еще маленькими и вся семья отправилась покупать костюмы, Нора ткнула пальцем в рекламу с изображением ведьмы – не слишком уродливой, никаких бородавок, зеленой кожи или гнилых зубов, но все-таки ведьмы, – склонившейся над кипящим котлом, и сказала: «Смотри! Мама!»

Мелоди взяла со стола счет и протянула его официанту вместе с кредиткой. *«Он никогда не вернет вам деньги»*, – сказал Уолт. *«Еще как вернет»*, – подумала Мелоди. Нет уж, один идиотский разгульный вечер из жизни Лео не разрушит будущее их дочерей, слишком усердно они трудились, слишком она подталкивала девочек мечтать о чем-то большем. Они не пойдут в общественный колледж.

Мелоди снова взглянула на карту в телефоне. Была еще одна, тайная причина, по которой ей так нравились эти синие точки с расходящимися нарисованными волнами; они напоминали ей первое УЗИ, когда они с Уолтом увидели, как бьются сердца близняшек, два неправильных серых пятнышка, не в лад стучащие глубоко в ее тазу.

«Два по цене одного», – сказала веселая лаборантка, когда Уолт схватил ее за руку, и они оба уставились сперва на экран, а потом друг на друга и улыбнулись – наивно, но такими они и были. Она запомнила, что подумала в тот момент: *«Лучшие уже никогда не будут»*. И в каком-то смысле оказалась права: она уже тогда знала, что больше не будет такой сильной, такой несгибаемой защитницей, когда вытолкнет эти хрупкие бьющиеся сердца в мир.

Официант приближался к ней, и лицо у него теперь было встревоженное. Мелоди вздохнула и открыла кошелек.

– Простите, мэм, – сказал он, протягивая ей «визу», из которой, надеялась она, еще что-то можно было выжать. – Не принимает.

⁶ Джон Сарджент (1856–1925) – американский художник, известный своими портретами. Один из самых знаменитых – «Портрет Мадам Х», на котором изображена Виржини Готро, считавшаяся одной из самых красивых женщин своего времени.

– Ничего, – сказала Мелоди, вытаскивая секретную карту, которую она завела, не сказав Уолту; он бы ее убил, если бы узнал.

Точно так же, как если бы узнал, что подготовительный центр в городе хоть и был дешевле частного репетитора в пригороде, которого она хотела нанять, стоил все равно вдвое больше, чем она сказала, почему ей и понадобилась дополнительная карта.

– Я хотела дать вам вот эту.

Она смотрела, как официант вернулся к терминалу и поводит по нему пальцем; оба они замерли и выдохнули лишь тогда, когда машина принялась выдавать чек.

«Мне нравится наша жизнь, – сказал ей Уолт тем утром, прижав ее к себе. – И ты мне нравишься. Ты не можешь сделать вид – хоть ненадолго, – что я тебе тоже нравлюсь?» Он произнес это с улыбкой, но она знала, что он иногда волнуется. Тогда она расслабилась в его успокаивающих объятьях, вдохнула его уютный запах – мыло, свежеевыглаженная рубашка и мятная жвачка. Закрыла глаза и представила себе Нору и Луизу, милых и изящных, в атласных шапочках и мантиях на засыпанном листьями дворе кампуса в старинном новоанглийском городке, и утреннее солнце на их лицах, и будущее, разворачивающееся перед ними, как волнистый рулон шелка. Они были такие умные, такие красивые, честные и добрые. Она хотела, чтобы у них было все – возможности, которых никогда не было у нее, но которые она им обещала. *«Ты мне нравишься, Уолтер, – пробормотала она мужу в плечо. – Ты мне так нравишься. Это себя я ненавижу».*

На другой стороне Гранд Сентрал, на вершине покрытой ковром лестницы, за стеклянными дверями, на которых значилось «Апартаменты Кэмбелла»⁷, Джек Плам отсылал напиток обратно, потому что считал, что мяту никто и не думал разминать.

– Ее туда просто бросили, как будто она украшение, а не *составная часть*, – сказал он официантке.

Джек сидел рядом с человеком, с которым прожил последние два десятилетия, а почти семь недель назад тот стал его законным мужем. Он был уверен, что остальные Пламы не знают это место, бывшую контору магната двадцатых годов, превращенную в навороченный коктейльный бар. Может, Беатрис знала, но заведение было не в ее духе. Слишком чопорное. Слишком дорогое. Здесь был дресс-код. Временами в баре бывало многовато жителей пригорода, но в этот субботний день они попадались отродно редко.

– Версия 2.0, – сказал Уокер, когда официантка поставила перед Джеком новый бокал.

Джек попробовал.

– Превосходно, – сказал он.

– Простите за беспокойство, – улыбнулся Уокер официантке.

– Да, – сказал Джек, когда официантка отошла, себе под нос, но достаточно громко, чтобы Уокер услышал, – прощения просим, что пришлось заставить вас выполнить свою работу.

– Она просто разносит напитки. Она их не смешивает, – миролюбиво отозвался Уокер. На Джека нашло. – Почему бы тебе не глотнуть от души и не расслабиться?

Джек вынул из бокала листок мяты и пожевал его.

– Любопытно, – сказал он, – предложение расслабиться хоть на кого-то когда-нибудь действовало? Это все равно что сказать «дыши» кому-то, у кого гипервентиляция, или «глотай» тому, кто подавился. Совершенно бессмысленное указание.

– Я не указывал, я просто предложил.

– Это все равно что сказать: «Делай что угодно, только не думай о розовом слоне».

– Ладно, – сказал Уокер. – Тогда давай я расслаблюсь, а ты делай что хочешь.

– Спасибо.

– Я с радостью пойду с тобой на этот обед, если это поможет.

⁷ Бар на Гранд Сентрал.

– Ты это уже говорил. Раз тысячу.

Пытаться поддеть Уокера было делом подлым и бессмысленным, но Джек все равно пытался, потому что знал: сорвется на Уокера – и крученный узел ярости у него внутри ненадолго ослабнет. И он думал, не взять ли Уокера с собой на обед. Его семья в любом случае предпочла бы общество Уокера его собственному; а кто бы не предпочел? Уокер с его рококошущим смехом, добрым лицом и безграничным дружелюбием. Он был вроде чисто выбритого и чуть более подтянутого Санта-Клауса-гея.

Но Джек не мог позвать Уокера с собой, потому что еще не рассказал остальным Пламам о том, что в начале сентября они с Уокером поженились, о свадьбе, на которую никто из них не был приглашен, потому что Джек хотел, чтобы этот день был идеален, а идеальным для Джека было обойтись без Пламов. Он не хотел выслушивать тревоги Беатрис по поводу аварии Лео или как неуклюжий муж Мелоди сообщает любому, кто станет слушать, что его зовут Уолтер, а не Уокер. (То, что Джек и Мелоди выбрали спутников жизни с почти одинаковыми именами, мучило их обоих до сих пор, десятки лет спустя.)

– Прости, что я на тебя сорвался, – наконец произнес Джек.

Уокер пожал плечами:

– Да все в порядке, моя радость.

– Прости, что я веду себя как мудака. – Джек покрутил шеей, прислушиваясь к тревожащему, но почему-то приятному щелчку, который появился недавно. Господи, он стареет. Через шесть лет ему стукнет пятьдесят, и кто знает, какие свежие ужасы приберегло это десятилетие для его стройного, но обмякающего тела, уже подводящей памяти, пугающе редящихся волос. Он вымученно улыбнулся Уокеру.

– После обеда будет лучше.

– Что бы ни произошло за обедом, у нас все будет хорошо. Вообще все будет хорошо.

Джек ополз в кожаном кресле и принялся щелкать костяшками – он знал, что Уокер не выносит этот звук. Конечно, Уокер думает, что все будет хорошо. Уокер не знает о финансовых затруднениях Джека (еще одна причина, по которой Джек не хотел брать его на обед, если вдруг представится возможность просветить Лео, во что обошлась Джеку его небольшая эскапада на задворках Лонг-Айленда). Пенсионный счет сильно пострадал в 2008-м. Они снимали одну и ту же квартиру в Вест-Сайде, с тех пор как стали жить вместе. Антикварная лавочка Джека в Вест-Виллидж никогда не приносила особой прибыли, но в последние годы он считал везением даже отсутствие убытков. Уокер был юристом с собственной практикой, в их союзе именно он всегда зарабатывал. Единственным существенным их вложением был скромный, но обожаемый летний домик на Норт-Форк, под залог которого Джек тайком брал кредиты. Он рассчитывал на «Гнездо» – не только в смысле выплат за дом, но и потому, что оно было единственным вкладом в совместное будущее, который он мог предложить Уокеру. Он ни секунды не верил в то, что Лео разорен. И ему было наплевать. Он просто хотел получить то, что принадлежит ему.

Джек и Лео были братьями, но не друзьями. Они редко разговаривали. Уокер иногда настаивал («нельзя отказываться от семьи»), но Джек долго делал все, чтобы отдалиться от Пламов, особенно от Лео. В его обществе Джек казался себе ухудшенной версией старшего брата. Не такой умный, не такой интересный, не такой успешный; это приклеилось к нему еще в школе и так и не отвалилось. В начале девятого класса кто-то из друзей Лео прозвал Джека «Лео-лайт», и эта унижительная кличка прилипла, она осталась даже после того, как Лео окончил школу. В первый месяц в колледже Джек встретился с кем-то из земляков, и тот по привычке поздоровался с ним: «Привет, Лайт. Как жизнь?» Джек ему чуть не врезал.

Дверь в бар открылась, и вошла группа туристов, а с ней и порыв слишком холодного для октября воздуха. Одна женщина показывала всем свою насквозь промокшую туфлю, дешевую балетку безвкусного красного цвета.

– Теперь ей конец, – жаловалась женщина друзьям.

– Во всем есть светлая сторона, – сказал Джек Уокеру, кивая в сторону туфли.

– Тебе, наверное, не надо бы опаздывать, – Уокер поднял запястье, демонстрируя часы, свадебный подарок Джека – редкий «Танк» от Картье, сороковых годов. Обошлись они в небольшое состояние; Уокер об этом не подозревал. Это было еще одной причиной ненавидеть Лео за то, что он так облажался: теперь Джек не мог мысленно не наклеивать на все, что им принадлежало, огромный неоновый ценник, горько сожалея обо всех покупках последнего года, *даже лет*, включая все важные траты на их в остальном идеальную свадьбу.

– Обожаю эти часы, – сказал Уокер, и от нежности в его голосе Джеку захотелось швырнуть бокал в кирпичную стену напротив. Он почти ощутил сладостное облегчение, которое затопило бы его, когда свинцовый хрусталь разбился бы на миллион кусочков. Вместо этого он встал и поставил бокал обратно на стол, стукнув доньшком.

– Не дай им себя разозлить, – сказал Уокер, ободряюще похлопывая Джека по рукаву. – Просто послушай Лео, а потом поговорим.

– Поговорим.

Джек застегнул пальто и пошел вниз по лестнице к двери на Вандербильт-авеню. Ему нужно было подышать свежим воздухом перед обедом; может быть, пройтись вокруг квартала. Проталкиваясь сквозь ленивую субботнюю толпу, он услышал, как кто-то зовет его по имени. Он обернулся и не сразу узнал женщину в берете, улыбающуюся изо всех сил поверх связанного вручную розово-оранжевого шарфа, махавшую и кричавшую ему. Он стоял, смотрел, как она приближается, а потом невольно улыбнулся. Беатрис.

Беатрис Плам была завсегдаем «Мерфи'с», одного из пабов для пассажиров пригородных поездов на коротком отрезке Сорок третьей улицы, упиравшемся в Гранд Сентрал. Беа пригласовала с хозяином – Гарри, ирландцем и старым другом Така. Так одобрял, как Гарри наливает пинту и как, когда в баре становится тихо, поет высоким пронзительным тенором – не всякий там туристический репертуар вроде «*Danny Boy*» или «*Wild Rover*», но что-то из ирландских песен протеста – «*Come Out Ye Black and Tans*» или «*The Ballad of Ballinamore*». Гарри одним из первых пришел к Беатрис, когда Так умер. Вынул из кармана бутылку «Джеймсона», налил им обоим, торжественно произнес:

– За Така. Да ложится дорога ему под ноги.

Иногда, при правильном освещении, Беатрис считала Гарри красивым. Иногда думала, что он на нее слегка запал, но выяснять не хотела – он был слишком близок с Таком.

– Ты сегодня рановато, – сказал Гарри, когда она вошла в бар незадолго до полудня.

– Семейный обед. Выпью кофе, плесни туда немного.

Гарри откупорил «Джеймсон» и щедро налил в кружку, прежде чем добавить кофе. Солнце светило ярко и висело в безоблачном небе достаточно низко, чтобы на мгновение ослепить Беа, когда она села на свое любимое место рядом с узкой витриной. Она встала и передвинула шаткую барную табуретку в тень, подальше от двери. Казалось, что сейчас не октябрь, а январь. В зале пахло печкой, грязной шваброй и пивом.

– Аромат богов, – говаривал Так.

Он больше всего на свете любил полутемные бары в солнечный денек. Включился музыкальный автомат, Розмари Клуни и Бинг Кросби запели «*Baby, It's Cold Outside*». Беа и Гарри усмехнулись, переглянувшись... у людей совсем нет воображения.

Беа очень хотела увидеть Лео, но ей было тревожно. Он не ответил ни на один ее звонок в реабилитационную клинику. Наверное, был зол на них всех. Она гадала, как он выглядит. В последний раз, когда она его видела, в ту ночь в больнице, ему зашивали рассеченный подбородок, он был вымотанным и оцепеневшим. Да и за несколько месяцев до аварии он выглядел ужасно: обрюзгший, уставший, нехорошо раздраженный.

Беа волновалась, что сегодня за обедом случится скандал. Джек и Мелоди все больше сходили с ума из-за ситуации с «Гнездом», и она предполагала, что оба они готовы потребовать то, что им причитается. То, чего хотела от Лео сама Беа, волновало ее не в первую очередь. Сегодня ей хотелось как-то удержать своих вечно ругающихся братьев и сестру от ссоры, пусть всего на день, просто для того, чтобы Лео успел – она не знала, что именно. Нужно было придумать какой-то план, который утихомирит Джека и Мелоди, а еще даст Лео достаточно пространства, чтобы он не оттолкнул их вовсе – или не сбежал.

Беа чувствовала, как виски расслабляет ее конечности и успокаивает нервы. Она сняла со спинки стула свою сумку. То, какой тяжеленькой она была, уже наполняло Беа приятным волнением. Она была писателем. (Раньше была? Была писателем, бросившим – до недавнего времени – писать? Она толком не знала, что о себе думать.) Иногда – сейчас уже не так часто – кто-нибудь в литературных журналах, где она работала, узнавал ее имя. «Беатрис Плам? Писательница?» – так оптимистично начинались разговоры. Она уже выучила сценарий: счастливый проблеск узнавания, потом нахмуренный лоб, когда человек пытается что-то вспомнить о ее недавних работах и вообще хоть что-то, кроме старых рассказов. После десяти лет тренировок она мастерски уклонялась от неизбежного. У нее была наготове пригоршня отвлекающих тупиковых ответов на вопрос о долгожданном романе: потерянная самоуничижительная шутка о том, что она слишком медленно пишет и что, если растянуть аванс на годы, он превратится в почасовую оплату в полпенни; притворное суеверное нежелание говорить о неоконченной работе; комическое раздражение по поводу вечного перфекционизма.

Она достала из огромной холщовой сумки темно-коричневую кожаную папку, которую Лео много лет назад заприметил, бродя по рынку на Портобелло в Лондоне, когда она еще училась в колледже и только начала писать всерьез. Он подарил ей папку на день рождения. Папка была начала 1900-х годов, размером с большой блокнот, и походила на портфельчик с маленькой ручкой и кожаными ремнями; такую мог носить кто-нибудь в Вене на рубеже веков. Беа ее любила и считала своей везучей папкой, пока не стало казаться, что все свое везение Беа выбрала. Несколько недель назад она нашла папку на верхней полке шкафа и отнесла ее в обувную мастерскую неподалеку, чтобы починить ремешки. Там кожу почистили и отполировали, так что папка стала почти как новенькая, только с правильными следами времени и использования, словно в ней годами хранили успешные рукописи. Беа расстегнула ремни и откинула клапан, вынула папку исписанных петлистым почерком листов. Она в последние месяцы писала больше, чем за все последние годы.

И то, что она писала, было по-настоящему хорошо.

И чувствовала она себя ужасно.

Много лет назад, когда она только окончила школу, Лео уговорил ее поработать с ним над материалами журнала, который помогал запустить заново; тогда запуск журнала еще не казался глупой причудой. «Спикизи» был остроумным и достаточно дерзким, чтобы считаться чуточку скандальным, и это мгновенно сделало его хитом в замкнутом мире нью-йоркских медиа – том самом, который он безжалостно высмеивал. Лео писал по колонке в месяц – медийные новости, приправленные сальными сплетнями, – без стеснения издеваясь над старой гвардией города с ее унаследованными деньгами, кумовством и нелепой закрытостью. Колонка принесла ему немножко известности и массу неприязни. Журнал через несколько лет свернулся, но почти все его сотрудники разошлись по более заметным изданиям, написали бестселлеры или еще как-то проявили себя на литературном поприще.

Самая заметная история успеха долгое время была у Лео. Он увел кое-кого из молодых сотрудников в онлайн-версию журнала, которой руководил из своей крошечной квартирki. Он сохранил то же ехидство, расширив охват, и вновь нацелился на любимые мишени – как отдельных людей, так и целые отрасли; бизнес его разросся с одного сайта до семнадцати за

пятнадцать месяцев. Всего три года спустя Лео и его партнер продали свою малюсенькую империю за небольшое состояние медиахолдингу.

Беа до сих пор скучала по временам, когда журнал только начинался. Редакция походила на шумный летний лагерь, где все дети были умными и смешными, понимали твои шутки и умели пить. Тогда именно Лео заставил ее дописать первые рассказы. Лео не спал допоздна, вычеркивая абзацы, делая все лучше, емче и смешнее. Лео дал первый ее рассказ редактору отдела прозы «Спикизи» (ее нынешнему начальнику, Полу Андервуду) для первого спецвыпуска «Новые голоса Нью-Йорка: кого стоит почитать». Лео поставил ее фотографию на обложку журнала (с подписью очень в духе «Спикизи»: «Нашу любимую новеллу написала сестра редактора, живите с этим»). Та фотография Беа до сих пор временами всплывала, например, в памятных заметках о журнале («Где теперь они все?») или о группе молодых писательниц, в которую входила и сама Беа, один журналист обозвал их возмутительным «Звездописательницы». Фотографию сделали в Чайна-тауне, на Мотт-стрит, перед блестящей витриной, за которой свисали с серебряных крюков пекинские утки с развернутыми в одну сторону пока еще не отрубленными головами. На Беа было ярко-желтое платье с раздувавшейся юбкой, а на плече она держала лаковый зеленый зонтик, расписанный мелкими розовыми и белыми пионами. Длинные косы, которые она носила до сих пор, в ту пору темно-каштановые, были заколоты высоко на затылке. Подбородок опущен, глаза прикрыты, профиль залит клонящимся к закату августовским солнцем – все это походило на современную версию Благовещенья. Фотографию напечатали на задней стороне обложки ее первой (единственной) книги. Зеленый зонтик много лет свисал с потолка над ее кроватью. Желтое платье до сих пор лежало где-то в шкафу.

Беа махнула Гарри, он принес ее кофе и поставил рядом с ее чашкой бутылку «Джеймсона». Она заметила, что он глянул на ее записи и быстро отвел взгляд. За все эти годы он наслушался, как она ныла Таку про роман, который так и не появился, и знал, что о работе ее лучше не спрашивать. Беа почувствовала себя еще более жалкой, если такое вообще было возможно.

Лео понравился ее рассказ – и он его опубликовал, – потому что рассказ был о нем. Герой, которого Беа назвала Арчи, был слегка завуалированной версией молодого Лео, смешным, поглощенным собой, язвительным Лотарио⁸. «*Пэрис Ревью*» опубликовал вторую новеллу об Арчи. Третья вышла в «*Нью-Йоркере*». Потом у Беа появился агент – подруга Лео, Стефани, которая тоже только начинала и добилась для нее контракта на две книги за такие деньги, что у Беа закружилась голова и ей пришлось присесть в кабинете Стефани и подышать в бумажный пакет. Сборник ее новелл (главными в нем были, по общему мнению критиков, три рассказа об Арчи – «очаровательно ироничные», «уморительные и остроумные», «встанете вы на сторону Арчи или против него, вы окажетесь бессильны противостоять его сомнительному очарованию») разошелся без шума.

– Прекрасно, – сказала ей тогда Стефани. – Все это – задел для романа.

Беа гадала, общаются ли сейчас Стефани и Лео, знает ли Стефани вообще о том, что происходит. В последний раз Беа говорила с ней больше года назад, за крайне неприятным обедом в центре. «Давай встретимся где-нибудь в тихом месте», – написала ей по имейлу Стефани, готовя Беа к трудному, но ожидаемому разговору о ее долго откладывавшемся, тщательно вымучиваемом романе.

– Я вижу, сколько сил ушло на этот черновик, – сказала Стефани (очень великодушно – они обе знали, что силы уходили на этот черновик довольно долго). – И здесь многим можно восхищаться, но в то же время...

⁸ Дон Лотарио – персонаж серии игр *The Sims*, который ведет себя как ловелас и потому попадает в разные неприятности.

– О боже, – Беа поверить не могла, что слышит расхожую фразу, которую сама столько раз использовала, когда не могла придумать ни одной причины похвалить чью-то прозу. – Пожалуйста, не морочь меня этим «многим восхищаться». Прощу. Просто скажи, что собиралась.

– Ты права. Прости.

Стефани казалась разочарованной и почти сердитой. А еще, как с удивлением отметила Беа, она выглядела старше, чем они обе были бы должны. Стефани покрутила в руках пакетик сахара, надорвала уголок, потом загнула его и положила пакетик на блюдце.

– Хорошо, дело вот в чем. Все, что мне нравилось в твоих новеллах: их остроумие, изобретательность и неожиданность – все, что там работало... – Стефани снова замолчала, лицо у нее было растерянное. – Здесь я ничего этого не вижу.

Здесь разговор и вошел в пике.

– Ты меня бросаешь? – в конце концов спросила Беа, пытаюсь пошутить и разрядить обстановку.

– Да, – ответила Стефани, явно не желая оставлять место двусмысленности и сомнениям. – Мне очень жаль, но да.

– Я хочу написать *великий* роман, – сказала Беа Лео и Стефани в тот вечер, когда они отмечали контракт на книги, долгий, пьяный вечер, когда ее охватил такой несокрушимый подъем, что она, словно погодный фронт, могла менять атмосферу в комнате, через которую шла.

– Это моя работа, – сказала Стефани. – Ты его напишешь.

– Я говорю о полотне. Я хочу, чтобы он сбивал с ног. Чтобы был *необходимым*. Хочу немножко поиграть, поэкспериментировать со структурой.

Беа махнула официанту и заказала еще бутылку шампанского. Лео закурил сигару.

– Эксперимент может быть удачной мыслью, – осторожно сказала Стефани.

Беа была очень пьяна и очень счастлива, она откинулась на банкетке и положила ноги на стул, взяла у Лео сигару, выпустила три дымных кольца, слегка закашлялась и стала смотреть, как они плывут к потолку.

– Но больше никакого Арчи, – внезапно сказал Лео. – Отправляем Арчи в отставку, так?

Беа удивилась. Она не планировала писать новые рассказы об Арчи, но и как об отправленных в отставку о них тоже пока не думала. Глядя на Лео, сидевшего по другую сторону стола, прочищая горло и пытаясь сфокусировать взгляд сквозь дым, шампанское и те крошечные ложечки кокаина в туалете пару часов назад, она подумала: да. Как там в Библии? Время забыть младенческое?

– Да, – услышала она свой голос. – Никакого больше Арчи.

Это прозвучало решительно.

– Хорошо, – сказал Лео.

– Ты в любом случае не настолько интересен.

Она вернула ему сигару.

– Нет, уже не настолько, – сказала Стефани, и Беа сделала вид, что не заметила, как пальцы Стефани двинулись по ноге Лео вверх и исчезли под скатертью.

Сколько страниц она написала с тех пор? Сколько выбросила? Слишком много, чтобы об этом задумываться. Тысячи. Роман был велик, не поспоришь. Пятьсот семьдесят четыре страницы величиной. Глаза бы ее на него не смотрели.

Она плеснула в чашку еще «Джеймсона», не заморачиваясь на этот раз по поводу кофе, и снова посмотрела на новые страницы, которых никто еще не видел – и даже не знал об их существовании. Это не была история об Арчи. *Не была*. Но в ней были энергия и движение, легкость языка, что так просто давалась ей в те годы, а потом будто ушла в одну ночь, словно она во сне разучилась делать что-то жизненно важное – завязывать шнурки, ездить на велосипеде или щелкать пальцами – и потом не смогла вернуть себе это умение.

Стефани во время их последней встречи оставила дверь чуть приоткрытой – если у тебя будет что-то новое, чтобы мне показать, сказала она, что-то *действительно новое*, может быть, сможем поговорить. Но Беа должна была сперва показать эти листы Лео. Наверное. Может быть. А может, и нет.

– Когда мы уже прочитаем что-то о *твоей* жизни? – сказал он, слегка поддразнивая ее, когда вышла последняя новелла об Арчи, та, в которой Беа слишком близко подошла к его менее обаятельным, хищническим чертам. Ну вот, пожалуйста. Она обратилась к своей жизни. Разве он посмеет возразить? Лео был у нее в долгу. Особенно после той ночи в больнице. То, что случилось в прошлом июле, случилось и с ней. Это была и ее жизнь.

Нора и Луиза шли по западному Центральному парку, держась за руки и задыхаясь от того, что пробежали три квартала от учебного центра, все в предвкушении.

– Ну вот, – сказала Нора, сжимая руку Луизы. – Прямой дорогой к верной смерти или сексуальному рабству – или и тому и другому.

Луиза засмеялась, но ей было не по себе. О том, чтобы прогулять курсы, они сперва заговорили в шутку.

– Можно оставить телефоны в шкафчиках и просто уйти, – сказала Луиза Норе после особенно мучительного занятия. – Единственная, кому есть дело до того, где мы, это мама.

По выражению лица Норы Луиза поняла, что, не подумав, привела в движение нечто неотвратимое. Они обе ненавидели курсы. Преподавательница, которая вела их группу, казалось, была едва ли старше их самих, редко приходила, никогда не помнила, кого как зовут, и не обращала внимания на то, кто чем занимается.

– Это все в большой степени самообразование, – говорила она утомленным тусклым голосом, глядя в окно, выходящее на Коламбус-авеню, и вид у нее был такой, словно больше всего на свете она хотела выпрыгнуть в это окно и вернуться к своим драгоценным выходным. – Вы получаете то, что вкладываете.

– Ты гений, – сказала Нора Луизе. – Давай так и сделаем!

– Да я прикалывалась. Мама с папой за все это платят.

– Все есть в книге! – Нора вытащила огромное пособие для курсов. – Они заплатили за нее. А преподавательница только читает нам вслух главу и заставляет делать упражнения. Можем заниматься в поезде и дома. Это не так сложно. У нас еще целый год до поступления. Мы же первогодки.

Искушение было велико, но Луиза нервничала. Она была согласна, что занятия бестолковые, но чувствовала себя виноватой. Дома что-то творилось, что-то, связанное с деньгами, – там всегда творилось что-то, связанное с деньгами, их никогда не хватало, – но на этот раз все, казалось, было по-другому, возможно, куда серьезнее обычного. Родители подолгу яростно шептались и даже ушли прошлой ночью разговаривать в ледяной заснеженный двор. Но Луиза знала: если Нора что решила, так и будет, это просто вопрос времени.

– Подумай, какой красивый сегодня будет парк, весь в снегу, – сказала Нора в ту же секунду, как они скрылись с внимательных материнских глаз. – Снег в городе такой эфемерный. Видишь? Я только что употребила слово с курсов. Ну давай. Сегодня идеальный день.

Никто их не остановил, когда они вылетели из здания через боковую дверь и побежали по улице, каждую секунду ожидая услышать за спиной свои имена. Они забросили телефоны поглубже в шкафчик, если вдруг маме придет в голову проверить, где они, по «Сталкервиллю» (а она же их мама; она всегда проверяет, где они).

Луиза колебалась. Наставления Мелоди по поводу Центрального парка и его темных тропинок, полных злодеев, которые хотят чего-то смутно тревожащего и опасного, ее по-настоящему пугали. Но Нора хотела найти продавца хот-догов, и карусель, и замок Бельведер, и все

остальное, о чем они слышали, но никогда не видели. Она скачала и распечатала карту, прежде чем они вышли из дома.

– Сегодня будем держаться центральных аллей, – сказала она, разворачивая карту и указывая на место, помеченное «Мемориал “Земляничные поля”». – Давай начнем отсюда.

Лео Плам заблудился. Он плохо ориентировался на севере города, и то, что он счел коротким путем через Центральный парк, завело его в какое-то незнакомое место. К тому же парк после снежной бури был похож на район стихийного бедствия. Снег и лед, покрывшие еще не сбросившие листья деревья, опасно перегрузили ветки, многие деревья сломались. Дорожки в парке походили на полосы препятствий, скользкие и заваленные обломками. Шла повсеместная расчистка, со всех сторон грохотали бензопилы. Некоторые участки были окружены полицейской лентой, из-за чего приходилось искать сложные обходные пути; Лео совершенно потерялся.

Он взглянул в небо, пытаясь разглядеть узнаваемые шпили и башни «Дакоты» на западном краю парка, чтобы найти ориентир, но оттуда, где он стоял, были видны только куда более высокие незнакомые здания. Лео опаздывал на встречу, ту самую, которую назначил по телефону в день выписки из реабилитационной клиники, со своим старым другом Рико у мемориала «Земляничные поля». Нужно было найти место повыше. Он раньше знал, как понять, где ты находишься в парке; что-то связанное с номерами на основаниях литых фонарных столбов. Он подошел к ближайшему. Да! На металлической пластинке, прикрепленной к основанию, были выгравированы четыре цифры: 6107. Значит, он еще только на Шестьдесят первой улице? Но ведь 07 тоже что-то должно было означать? Ист-Сайд, Вест-Сайд или, твою мать, середина? К черту Олмстеда⁹ и его плутающие псевдобуколические тропинки. Лео сунул руки в карманы и пошел в направлении, которое казалось ему западным.

– Круто. Наверное, – сказала Луиза, глядя себе под ноги на черно-белую мозаику со словом «Imagine» в середине. Она рисовала себе что-то совсем другое, может быть, с портретом Джона Леннона. Или с земляникой. Или с полями.

Нора аж подпрыгивала на носочках, потому что разволновалась и замерзла.

– Идем в парк. Смотри, как тут. Полно народу, все семьями. Лодочный домик прямо слева от того холма.

Нора была права. Парк совсем не казался опасным. Он был очень людным и светлым.

– Тут прямо-таки кипучая активность, – сказала Луиза, употребив еще одно слово с курсов. – Показывай дорогу.

Торопясь изо всех сил, насколько позволяла ледяная корка на тротуарах, Лео наконец добрался до знакомой тропинки. Отсюда уже виднелась «Дакота». На первый взгляд тропинка была закрыта: ее перегораживала полицейская лента, а за лентой опасно раскачивалась в нескольких футах от земли огромная сломанная ветвь старого вяза. Лео поднырнул под ленту и потрусил по дорожке. Она оказалась круче, чем выглядела, а подошвы его дорогих ботинок были толщиной с бумажный лист. Огибая упавшие ветки и стараясь держаться подальше от вяза, он поскользнулся на длинной, почти невидимой замерзшей луже, которая треснула под его весом, и, прежде чем Лео смог поймать равновесие, обе его ноги скользнули вперед и он приземлился на спину. Со всей силы.

– Черт, – сказал он стайке воробьев, истерически чирикавшей в ближайших кустах.

С минуту он лежал неподвижно. Он сильно вспотел, несмотря на то что руки и ноги у него оледенели. Ярко-голубое небо над ним никак не могло предвещать зиму; это весеннее небо,

⁹ Фредерик Ло Олмстед (1822–1903) – американский архитектор, один из создателей Центрального парка.

подумал он, небо, полное обещания. Ему почти захотелось закрыть глаза и забыть о встрече. (Встреча? В ушах у него зазвучал голос консультанта из клиники, ее насмешливый тон, знакомая издевка. Давайте называть вещи своими именами. Лео. Это покупка наркотиков.)

Он сел и услышал шум на тропинке. Две девочки-подростка вывернули из-за угла, направляясь вниз по холму. Они склонили головы друг к другу; одна девочка оживленно, быстро говорила и жестикулировала, вторая качала головой и хмурилась. Лео что-то понравилось в том, как они прижимались друг к другу на ходу, словно им связали плечи или локти. Блондинка подняла голову, заметила Лео, сидевшего посреди ледяной дорожки, и застыла. Лео улыбнулся, чтобы их успокоить, и помахал.

– Осторожнее, – крикнул он. – Тут внизу опасно.

На лице блондинки появилась тревога, она схватила за подругу, смотревшую на Лео с – или он это додумал? – узнаванием. Пару мгновений они втроем смотрели друг на друга, потом блондинка сгребла брюнетку за руку, обе девочки развернулись и устремились вверх по дорожке.

– Эй! – крикнул Лео. – Я пришел с миром!

Девочки побежали быстрее, держась за руки, чтобы не потерять равновесия.

На мгновение Норе и Луизе показалось, что это Мелоди подстроила загадочное появление Лео, специально его там посадила, чтобы сказать: «Видите? Видите, какие беды поджидают вас в парке? Видите, как вам повезло, что я ваша мама?» Они постоянно расспрашивали Мелоди о братьях и сестре, о тех, что жили в городе и казались такими интересными, такими экзотическими, особенно дядя Лео, чьи фотографии иногда попадались в воскресном выпуске «*Стайлс*», фотографии с Викторией, их гламурной тетей. (Луиза как-то попыталась назвать ее «тетя Виктория» на одном из редких семейных праздников и не поняла, хочет та рассмеяться или плюнуть в нее.) Казалось, Мелоди задевало, когда девочки показывали ей эти фотографии, на ее лицо набегало облачко неодобрения и разочарования. Из-за этого выражения девочкам было настолько не по себе, что они перестали упоминать о фотографиях – и вместо этого стали складывать их в пластиковый контейнер в своем общем шкафу. Иногда они спрашивали отца про Лео, но он говорил только: «Он со мной всегда был очень мил. Несемейный он человек».

И вот, пожалуйста, он. Лео. Корячится, как перевернутая черепаха. («Он не *корячился*, – сказала Нора, отмечая попытку Луизы описать этот неловкий момент, когда они позже ехали на поезде домой. – Он пытался подняться. Там был лед». Но Луиза была тверда, в духе Мелоди; он только вышел из реабилитационной клиники, настаивала она, нечего ему было делать в парке. Он должен был идти на обед с родными!) На вершине холма они остановились и спрятались за дерево, чтобы подглядеть за Лео.

– Точно он, – сказала Луиза.

– Нам надо что-нибудь сказать? – спросила Нора.

Луиза задумалась. Она тоже хотела подойти к Лео, но думала, что делать этого не стоит.

– Он скажет маме, – ответила она.

Нора кивнула, крепко сжав губы; она была разочарована. Они обе затихли, едва дыша, и несколько минут наблюдали за Лео. Он встал, отряхнул брюки. Сел на большой валун.

– Что он делает? – прошептала Нора, когда Лео уставился в небо.

Ей хотелось, чтобы они были нормальной семьей. Чтобы можно было сбежать по дорожке, помахать, и он бы улыбнулся, засмеялся, и они провели бы день вместе. А вместо этого – на тебе, они прячутся за деревом. Они не все знали о его пребывании в клинике, только что был какой-то несчастный случай, все вышло очень плохо и все это как-то связано с наркотиками.

– Кто вообще сейчас нюхает? – как-то прошлым летом сказала мама отцу, а Луиза услышала.

– Он мог прийти покупать наркотики, – сказала Луиза, с тревогой глядя на Нору. – Иначе зачем ему тащиться сюда перед обедом?

Лео вздохнул, поднялся, отряхнул с брюк веточки и грязь. Сел на камень неподалеку, оценил ущерб, нанесенный ободраным ладоням. Его что-то не отпускало, что-то, связанное с этими девочками. Он их всерьез напугал. Надо понимать, упал он незаметно, но и подумать не мог, что выглядел опасным. Чего они так испугались? Наверное, сейчас детей не пускают в парк без родителей – даже подростков, даже мальчишек. Девочки, поди, уже ищут полицейского.

Черт, подумал Лео. А если они и правда ищут полицейского? Если они решили, что он пьян или что похуже, и дали его описание полицейскому патрулю, и тот теперь его ищет? Нельзя, чтобы его поймали с наркотиками. Его адвокат высказался предельно ясно: «Держите нос в чистоте, пока не выйдет решение о разводе. Никаких приходов. Никаких подозрительных трат. Никаких неприятностей». Лео встал и пошел на звуки проезжей части. На вершине холма он свернул за угол и наконец точно понял, где он. Перед ним лежал Западный Центральный парк. Можно было поймать такси и отправиться напрямиком на Гранд Сентрал; если все сделать по уму, он будет у «Земляничных полей» минуты через две-три.

Он задумался. Прямо над его ухом раздался оглушительный крик. Он поднял голову и увидел трех огромных ворон, сидевших на одном из немногих деревьев, которые уже сбросили листья. Они все каркали одновременно, словно спорили, как он поступит. Точно под ними, среди голых сухих ветвей, в развилке лежала грязно-коричневая куча листьев. Гнездо. Господи.

Лео взглянул на часы и пошел прочь.

Глава вторая

Никто не помнил, кто первым назвал светившее им наследство «Гнездом», но так и повелось. Мелоди было шестнадцать, когда Леонард Плам-старший решил основать для своих детей трастовый фонд. «Ничего значительного, – повторял он им, – скромный резерв, консервативные вложения, распределенные во времени, чтобы вы могли их использовать, но не тратить». Средства, объяснял Плам-старший, будут недоступны, пока Мелоди, самой младшей, не исполнится сорок.

Джек первым открыто возразил против такого распределения; он хотел знать, почему они все не могут получить свою долю раньше, и указывал на то, что Мелоди получит деньги, когда будет моложе их всех, а разве это справедливо? Но Леонард тщательно обдумал распределение фондов, сколько кому достанется и когда. Леонард был – и буквально думал о себе так несколько раз на дню – *человеком, который всего добился сам*. Он строил свою жизнь исходя из следующего принципа: деньги и связанные с ними вознаграждения должны появляться благодаря работе, усердию, преданности и четкому распорядку. Когда-то у Пламов из восточного Лонг-Айленда было семейное состояние и приличная недвижимость. Десятилетия ошибок, необдуманных браков и разорившихся предприятий привели к тому, что, когда Леонард пошел в старшую школу, не осталось почти ничего. Он ухитрился получить стипендию по инженерному делу в Корнелле, а потом работу в «Доу Кемикал» во времена, которые почти-точно называл Зарей Революции Сорбентов.

Леонарду повезло попасть в команду, работавшую над новым веществом – синтетическим полимером, который мог поглощать в триста раз больше жидкости, чем привычные органические сорбенты вроде бумаги и хлопка. И когда его коллеги взялись определять, в каких областях может быть применен новый сорбент – сельское хозяйство, промышленное производство, архитектура, военные цели, – Леонард ухватился за кое-что совсем иное: потребительские товары.

Согласно легенде, которую часто повторял Леонард, бизнес, основанный им и двумя его партнерами, предлагал крупным корпорациям методы применения нового сорбента и в итоге почти полностью отвечал за появление более тонких средств женской гигиены (он неизменно упоминал об этом в смешанных компаниях, причиняя страдания своим детям), улучшенных одноразовых подгузников (этим он гордился больше всего, поскольку потратил небольшое состояние на подгузники с тремя первыми детьми) и клетчатых кусочков мерзкого пластика, который до сих пор лежит под любым куском мяса или птицы в супермаркете (он не считал ниже своего достоинства порыться в мусоре во время обеда и вынуть квадратик с торжественным «Мой!»). Леонард выстроил процветающий бизнес на сорбентах, и это было самой большой его гордостью, тем, что придавало всем его достижениям приятный блеск.

Он не был человеком материальных ценностей. Снаружи его просторный особняк в тюдоровском стиле был тщательно ухожен, внутри – едва ли не неопрятен. Он не любил тратить деньги на что-то, что мог починить сам, и считал, что может починить все. Имущество в доме Пламов пребывало на различных стадиях разрушения, дожидаясь внимания Леонарда. Ко всему были прикреплены написанные им ярлычки: фен можно было держать только кухонной рукавицей-прихваткой, потому что треснувшая ручка очень быстро перегревалась («Использовать с осторожностью!»), розетки легонько били током («Пользоваться верхней, не нижней!»), кофеварки текли («Использовать умеренно!»), у велосипедов не было тормозов («Пользоваться осторожно!»), бесчисленные блендеры, магнитофоны, телевизоры и музыкальные центры просто не работали («Не пользоваться!»).

Леонард осторожно, консервативно вкладывал в недорогие «голубые фишки»¹⁰. Он был только рад что-то отложить детям на будущее, но еще он хотел, чтобы они были финансово независимы и ценили усердный труд. Он вырос среди детишек с трастовыми фондами – он и теперь со многими из них поддерживал отношения – и видел, сколько вреда наносит ранний приток денег: слишком рано предоставленное изобилие вело к слабости и праздности, к смутной неудовлетворенности. Траст, который основал он, должен был стать *sourçon*, небольшим дополнением к их собственным, неизбежным финансовым достижениям – они же были его детьми, в конце концов, – и слегка смягчить им выход на пенсию, возможно, обеспечить курс или два в колледже внукам. Ничего такого, чтобы считать его серьезным.

Идея придержать деньги до сорокалетия Мелоди нравилась Леонарду по многим причинам. Он здраво оценивал зрелость – как эмоциональную, так и в других аспектах – четверых своих детей: ничего похвального. Он подозревал, что если они не получают деньги одновременно, это станет источником конфликта между теми, у кого деньги есть, и теми, у кого нет; они не будут друг к другу добры. И если кому-то из них и понадобятся деньги пораньше, Леонард полагал, что это будет Мелоди. Она не была ни самой умной из четверых (ею была Беа), ни самой обаятельной (Лео), ни самой изобретательной (Джек).

В длинном списке того, во что не верил Леонард, где-то в верхних строках значилось «нанимать чужих людей, чтобы они управляли твоими финансами». Так что однажды летним вечером он позвал своего троюродного брата, Джорджа Плама, который был юристом, на ужин, чтобы обговорить все, что касалось его состояния.

В тот вечер, пока они с Джорджем неспешно отдавали должное двум гибсоновским мартини, превосходному поммару, двадцати восьми унциям рибая со шпинатом в сливочном соусе, сигарам и бренди, Леонарду и в голову не могло прийти, что меньше чем через два года его настигнет обширный инфаркт, когда он поздно вечером будет возвращаться с работы за рулем своего пятнадцатилетнего седана BMW, тщательно поддерживаемого в идеальном состоянии. Он и представить не мог, что игра на повышение в нулевые, опиравшаяся на ипотечное обеспечение, даст его трасту взлететь куда выше, чем он намеревался; не мог он предвидеть и того, что консервативный, но пугающе дальновидный Джордж предусмотрительно переведет «Гнездо» в более безопасную гавань облигаций прямо перед обвалом рынка в 2008-м, защитив капитал, и что тот на глазах у детей Пламов все десятилетие до сорокового дня рождения Мелоди будет раздуваться до цифр, о которых они и мечтать не могли. Не представлял он и того, что вместе с ростом траста будет расти готовность его детей рисковать, делать то *единственное*, чего Леонард велел им не делать *никогда*, ни за что, с тех пор как они вошли в разум: считать цыплят до осени.

Единственным человеком, имевшим доступ к средствам, была Франси, и, несмотря на то что она лишь время от времени хранила верность Леонарду, пока он был жив (или *благодаря* этому – она вышла замуж во второй раз практически через несколько минут после того, как сняла траур), она строго исполняла волю Леонарда. Ее интерес к детям, вялый и в то время, когда она за них на самом деле отвечала, свелся к редким бранчам по праздникам и звонкам в дни рождения. Лео был единственным, кто ни разу не просил Франси о ссуде под «Гнездо». Было время, Джек, Мелоди и Беа просили ее подумать о более раннем открытии средств, но она упрямо отказывалась.

До аварии Лео.

¹⁰ То есть акции компаний с наибольшей капитализацией на рынке.

Глава третья

В тот день, когда Лео выписали из реабилитационной клиники, за несколько дней до семейного обеда в «Устричном баре», он отправился напрямик в свою квартиру в Трайбеке, надеясь договориться о каких-то цивилизованных условиях временного проживания со своей будущей бывшей женой, Викторией. То, что у нее на этот счет были другие планы, стало очевидно, когда его ключ не подошел к замку входной двери.

– Не надо никакой борьбы, – сказал ему по телефону Джордж. – Просто найди гостиницу. Помни мой совет. Веди себя тихо.

Лео не хотел признаваться Джорджу, что Беа в ночь аварии забрала его бумажник. Он оказался в клинике лишь с ключами от дома, айфоном (который немедленно изъяли и вернули только в день выписки) и шестьюдесятью долларами в кармане (см. выше). Стоя на станции метро «Франклин-стрит» и листая контакты в телефоне, Лео с опустошающей ясностью понял, как мало на Манхэттене тех, кто с радостью пустит его к себе на диван. Скольким друзьям он позволил выдохнуться и сойти на нет за последние несколько лет, когда они с Викторией терзали друг друга и тратили деньги так, словно те каким-то магическим образом сами собой возвращались. Как мало тех, кто будет огорчен, узнав, что он в беде, и станет надеяться, что у него все наладится, вернется в норму. Он прожил в Нью-Йорке больше двадцати лет, и никогда не случалось такого, что ему некуда было пойти.

Клочок бумаги с номером, который сунул ему сосед по комнате в клинике, «на всякий случай», бился в заднем кармане мелкой рыбешкой. Лео вынул бумажку, забил цифры в телефон и, не дав себе времени подумать, отправил сообщение, что совершенно противоречило тому, о чем ему ежедневно талдычили в «Бриджес», реабилитационной клинике, куда его на три бесконечных месяца запихала семья. Его бесила каждая проведенная там минута. Индивидуальная терапия была еще куда ни шло; он почти без остановки говорил про Викторию и почти истощил злость, которую вызывала у него ее алчность. Ему уже казалось, что избавление от нее оправдывает огромный ценник. Почти. Но надо было как-то договориться насчет квартиры на ближайшую неделю-две.

Шерстяной пиджак, надетый на Лео, грел совершенно недостаточно. Стоял непривычно холодный для октября день. Лео смутно помнил что-то о зловещем прогнозе погоды. Заголовок «*Нью-Йорк пост*» на газетной стойке в метро кричал: «*Снегтябрь!*» Дожидаясь ответного звонка, Лео наблюдал, как двое попрошаек у входа в метро состязаются за мелочь. На одной стороне стоял старый бездомный, державший в руке вязаную шапку; он воодушевленно обращался к пассажирам с приветливым «Здрасьте! Не промокните! Сегодня холодно!». И – это показалось Лео отличным рекламным ходом – увещевал детей: «Читайте книжки!»

– Вы сегодня читали, молодой человек? – спрашивал он. – Не забудьте почитать!

Дети робко улыбались и кивали, грызли пальцы и клали в бумажный пакет у ног бездомного сунутый родителями доллар.

На другой стороне стоял молодой студент-музыкант без головного убора (*умно*, подумал Лео, его светлые кудри выглядели впечатляюще) со скрипкой под подбородком. Он играл популярные классические трели, бесконечного Вивальди, немного Баха, и пользовался повышенным вниманием женщин без колясок; тех, что постарше, в шубах, и тех, что помладше, в наушниках или с многоразовыми сумками для покупок.

Проливной дождь, шедший все утро, понемногу превращался в дождь со снегом. Кто бы ни был на другом конце провода, он не спешил перезванивать. у Лео не было зонтика, у него даже шапки не было, плечи дорогого пиджака промокли насквозь. Он снова перелистал контакты в телефоне, посмотрел пару секунд на имя Стефани и нажал «позвонить».

– Похоже, все хуже, чем я слышала, если ты умоляешь о переходе через мост в Бруклин, – сказала Стефани. Она ответила уже после третьего гудка.

– Я не умоляю. Мне нужно побыть с кем-то нормальным, с кем-то, кто мне на самом деле нравится.

Стефани молчала. Она не собиралась облегчать ему задачу.

– А что ты вообще *слышала*? – спросил Лео. – О моих делах.

Он собрался. Это было еще одной причиной увидеться со Стефани: узнать, что известно в городе, проверить, сделал ли Джордж то, что обещал.

– Почти ничего, – сказала Стефани. – Я слышала, ты лег в «Бриджес». И все. Твой консилиери молодец. Так как оно?

– Как что?

– Поездка на карнавал, – съязвила Стефани, пытаясь понять, насколько сильно можно давить на него по телефону. Наверное, не очень сильно.

– Ты все еще не так остроумна, как тебе кажется, – ответил Лео, пытаясь решить, сколько ей открыть, прежде чем она пригласит его куда-нибудь. Наверное, не очень много.

– Как оно в «Бриджес», Лео? О чем еще я могу спрашивать?

– Все нормально. – У Лео начинали стыть от холода пальцы.

– Вы все благодарны за лучшее в себе? Продвигаетесь по шагам?¹¹

– Это не такое место, – сказал Лео.

– А какое?

– Стеф, я не знаю, когда ты в последний раз выглядывала из окна, но я стою на улице, посреди урагана и дождя со снегом. Я промок до нитки. Тут очень холодно.

Он легонько затопал, пытаясь согреть пальцы ног. Он не привык к такому положению: ждать ответа на просьбу.

– Приезжай. Ты знаешь, где я живу.

– Какое метро?

Он поежился, услышав, как радостно и благодарно прозвучал его голос.

– Господи, – со смехом сказала Стефани. – В Бруклин – и не лимузином? Похоже, сильные мира сего и правда пали. Ты ведь знаешь, что жетонов больше нет, да? Надо купить такую штуку, называется «МетроКарта».

Лео не ответил. Конечно, он знал про «МетроКарты», но понял, что, кажется, никогда ни одной не купил.

– Лео? – спросила Стефани. – У тебя хватит денег на «МетроКарту»?

– Да.

– Тогда приезжай, – сказала она уже мягче. – Сядь на вторую или третью до Берген-стрит. Я жарю баранину.

Когда у Стефани зазвонил телефон, она разбрасывала пригоршни каменной соли на крыльце в ожидании предсказанной бури. Еще не взяв в руки телефон, она поняла, что это Лео. Она не была суеверна, не верила в тайное зрение, предзнаменования или призраков, но в том, что касалось Лео, у нее всегда срабатывала интуиция. Так что она не удивилась, услышав его голос, и поняла, что какая-то ее часть ждала этого звонка. Несколько недель назад она столкнулась с его женой перед бистро в Сохо, и та вылила на нее поток возмущения и злобы – подробностей мало, обвинений полно.

– Туда и дорога этому социопату-нарциссу, – сказала Виктория и взяла под руку того, с кем у нее явно было свидание – телеактера, которого Стефани помнила по какому-то полицей-

¹¹ Стефани говорит о «Двенадцати шагах» – программе реабилитации зависимых, которую используют, например, общества «Анонимных алкоголиков» и «Анонимных наркоманов».

скому сериалу. Когда Стефани спросила, почему Лео в реабилитационной клинике, Виктория ответила туманно.

– Потому что он трус? – сказала она. – Потому что думает, что лучше переночевать в Коннектикуте, и надеется, что все простят и забудут? Как всегда.

– Простят и забудут что? – настаивала Стефани.

Бар был переполнен, толпа их слегка толкала, и они втроем покачивались, будто стояли на палубе корабля.

Виктория посмотрела на Стефани в упор.

– Ты меня никогда не любила, – заявила она, скрещивая на груди тонкие, как у скелета, руки и улыбаясь Стефани той самодовольной улыбкой, какой улыбается человек, только что разгадавший загадку.

– Я тебя не люблю, – сказала Стефани, что было неправдой. Она очень даже не любила Викторию, вернее, то, что Виктория воплощала – все поверхностное, бездумное и безответственное в Лео. Все то, что только усугубилось с тех пор, как он продал «*Спикизи Медиа*» и бросил их всех, включая ее. – Я тебя толком даже не знаю.

– Ну так знай: когда Лео снова появится, – сообщила Виктория, придвигаясь к Стефани так близко, что та почувствовала запах чеснока, моллюсков и сигарет и увидела пятнышко сангиново-алой помады на одном из ее ненатурально белых передних зубов, – я заберу все, до последнего цента. Лео может гнить в клинике или в аду, мне все равно. *Передай всем.*

Поэтому, когда Лео позвонил из метро и так беспомощно (по его меркам) заблеял, прося убежища, Стефани стало любопытно. Любопытно узнать, изменила ли его клиника хоть немного – протрезвел ли он, обновился ли, исполнился ли сожаления? Она понимала, что, скорее всего, это все тот же Лео, просто добивается чего-то. И все-таки. Ей хотелось убедиться самой.

И, если быть совсем честной – а она была честна, потому что изо всех сил старалась ценить честность превыше всего, – ей льстило, что Лео обратился к ней, когда ему понадобилась помощь. Она была благодарна, что по-прежнему значится в его списках. И именно поэтому ей надо было вести себя очень осторожно.

Лео ничего не имел против Бруклина, он просто предпочитал Манхэттен и считал, что все, кто говорит иначе, врут. И тем не менее по дороге от станции «Берген-стрит» до Проспект-Хайтс и дальше, до дома Стефани, он вынужден был признать, что быстро падавший снег творил с улицами, вдоль которых стояли дома XIX века, что-то определенно романтическое. Машины, припаркованные в квартале, были уже укрыты сырой белой толщей. Местные жители чистили дорожки и ступени; рассыпанная по голубоватым плиточным тротуарам соль казалась белым конфетти.

Засунувший руки в карманы от холода Лео показался себе персонажем романа Эдит Уортон¹², когда открыл щеколду на черной кованой калитке и прошел мимо газового фонаря к дому Стефани. Деревянные ставни на закругленном эркере были открыты, и, поднявшись на крыльцо, он смог заглянуть в гостиную, где Стефани разожгла камин. Надо было зайти купить цветов, или вина, или что-то такое. Он стоял перед тяжелой входной дверью: красное дерево и стекло. Стефани повесила на центральные панели два пластиковых светящихся в темноте скелета в натуральную величину. Он подумал минутку и позвонил в дверь – три коротких, один длинный – их прежним кодом. Дверь распахнулась. Скелеты брякнули, закачались на штормовом ветру, и появилась она. Стефани.

¹² Эдит Уортон (1862–1937) – американская писательница, первая женщина – лауреат Пулитцеровской премии.

Когда они долго не виделись, он всегда забывал, насколько она привлекательна. Не стандартно красива, лучше. Она была почти одного с ним роста, а в нем почти шесть футов¹³. Медные волосы и золотистая кожа, особая порода рыжих: никаких веснушек, быстро загорает, если только побудет на солнце; но она этого не любила. Она была единственной из его знакомых, у кого один глаз был карим, а другой – с зелеными искрами. Джинсы сидели на ней идеально. Ему захотелось, чтобы она повернулась и он мог заново оценить ее задницу.

Она поприветствовала его, подняв руку и заслонив ему путь через порог.

– Три условия, Лео, – сказала она. – Не употреблять. Не просить займы. Не трахаться.

– Когда я у тебя брал займы? – уточнил Лео, почувствовав приветливый поток тепла из дома. – По крайней мере, в последние десять лет.

– Я серьезно. – Стефани открыла дверь пошире. Улыбнулась ему, подставила щеку для поцелуя. – Рада тебя видеть, скотина.

¹³ Около 180 см.

Глава четвертая

То, что Лео так чудовищно облажался, было неприятно, но, неохотно согласились его родные, не удивительно. Однако то, что его выходка заставила их отстраненную мать использовать свою власть и почти опустошить «Гнездо», шокировало всех. Такой угрозы «Гнезду» никто из них и вообразить не мог. Это было просто немыслимо.

– Очевидно, это не было немыслимо, потому что мне эта мысль пришла, а ваш отец все устроил так, как устроил, – сказала Франси в тот день, когда, в конце концов, согласилась ненадолго с ними встретиться в нью-йоркском офисе Джорджа, пока Лео был еще в клинике.

– Это были и наши деньги, – сказал Джек. Голос его прозвучал не напористо, как он намеревался: больше походило на хныканье, чем на ярость. – А с нами не посоветовались, нас даже не уведомили, пока не стало слишком поздно.

– Это не ваши деньги до марта будущего года, – сказала Франси.

– Февраля, – сказала Мелоди.

– Прости? – Франси, казалось, слегка опешила, услышав голос Мелоди, как будто только что поняла, что она тоже здесь.

– У меня день рождения в феврале, – сказала Мелоди, – а не в марте.

Беа перестала вязать и подняла руку:

– В марте у меня.

Франси сделала то, что всегда делала, когда ошибалась: притворилась, что права, и поправила того, кто поправил ее.

– Да, так я и сказала. Деньги не ваши до февраля. И они не все потрачены. Вы все получите где-то по пятьдесят тысяч. Так, Джордж?

– Да, около того. – Джордж ходил по конференц-залу, наливая всем кофе; ему явно было неловко.

Мелоди не могла не пялиться на мать; та становилась старухой. Сколько ей? Семьдесят один? Семьдесят два? Ее длинные изящные пальцы слегка дрожали, вены на тыльной стороне ладони потемнели и стали выпуклыми, обмякшую кожу, будто перепелиное яйцо, испещрили старческие пятна. Франси всегда так гордилась своими руками, показывала, как далеко достают ее пальцы, сгибая их и касаясь внутренней стороны запястья. «Руки пианистки», – говорила она Мелоди, когда та была маленькая. Мелоди заметила, как она нарочно положила левую руку (не такую пятнистую) поверх правой. Голос у нее тоже истончился; в него просочилась легчайшая надтреснутость, не хрип, не скрежет, но колебание, тревожившее Мелоди. Увядание Франси означало, что и они увядают.

– Вы по-прежнему получите суммы, – продолжала Франси, – за которые большинство людей были бы несказанно благодарны.

– Суммы в десять процентов от того, чего мы ожидали. Так ведь, Джордж? – спросил Джек.

– Примерно так, – сказал Джордж.

– Десять процентов! – повторил Джек, практически выплюнул через стол в сторону Франси.

Франси сняла с запястья тонкие золотые часы и положила их на стол перед собой, словно показывая всем, что их время на исходе.

– Ваш отец пришел бы в ужас от этих цифр. Вы знаете, он хотел, чтобы фонд был для вас скромной поддержкой, а не настоящим наследством.

– Это все не имеет отношения к делу, – сказал Джек. – Он открыл счет. Он положил деньги. Джордж ими управлял – очень хорошо. Теперь приближается срок, и предполагается,

что... погодите. – Джек повернулся к Джорджу. – Лео ведь не получит пятьдесят тысяч? Потому что если да, то это... охренеть.

– Выбирай выражения, – одернула его Франси.

Джек, открыв рот, посмотрел на Беа и Мелоди и развел руками. Мелоди не совсем поняла, было это жестом разочарования или приглашением к разговору. Она посмотрела на Беа, тщательно считавшую петли на своем вязании.

– Мы исполняем условия, – сказала Франси.

– Ваша мать права, – кивнул Джордж. – Лео может отказаться от своей доли, но мы не можем ему в ней отказать.

– Просто не верится, – сказал Джек.

Мелоди хотела заговорить, но растерялась, не зная, как обратиться к матери. Старшие братья и сестра начали называть Франси по имени еще подростками, но у нее это никогда не получалось, а сказать «мама» при Джеке и Беа было как-то неловко. К тому же она немножко побаивалась матери. Мать была недоброй. Годами Пламы твердили друг другу, что их мать – злобная пьяница. «Если бы она просто бросила пить! – говорили они. – Все было бы хорошо!» Незадолго до смерти Леонарда у нее ни с того ни с сего обнаружилась непереносимость алкоголя и она действительно бросила пить. В одночасье. (Годы спустя они поняли, что внезапная трезвость Франси была связана с Гарольдом, консервативным бизнесменом-трезвенником, местным политиком, за которого Франси выскочила замуж после смерти их отца.) Они с нетерпением ждали, когда она изменится, но обнаружили только, что уже и так знали ее истинную натуру: она просто была злой.

– Дело вот в чем, – произнесла Мелоди, откашлявшись и легонько помахав Франси, чтобы привлечь ее внимание. – Мы рассчитывали на эти деньги, у нас были планы, и...

Мелоди замялась.

Франси вздохнула и позвенела ложечкой в кофейной чашке, словно размешивала сахар или сливки. Уронила ложку на блюдце, дала ей подребезжать.

– Да? – сказала Франси, делая Мелоди знак, чтобы та продолжала. – У вас были планы, и? Мелоди замялась, не зная, что сказать дальше.

– Это удар, – сказал Джек. – Это очередной финансовый удар после многих других за последние годы. Разве не разумно предположить, что ты – как мать Лео и с учетом твоих средств – примешь часть этих потерь на себя?

Пока Джек говорил, Мелоди кивала, пытаясь вычислить реакцию матери. Какая-то ее часть, крохотная сжавшаяся часть думала, что, возможно, удастся уговорить мать помочь с оплатой колледжа.

– Мать Лео? – спросила Франси, будто это ее забавляло. – Лео сорок шесть. И ты не единственный, кто за последние годы потерял в финансах. Не припомню, чтобы кто-то из вас потрудился узнать, как у нас дела.

– А что такое? – спросила Беа. – У вас с Гарольдом все хорошо?

Франси скрестила руки на груди и уставилась в стол. Начала было говорить, потом замолчала. Беа, Мелоди и Джек встревоженно переглянулись.

– У нас с Гарольдом все прекрасно, – в конце концов сказала она.

– Ну, тогда... – начал Джек, но Франси подняла руку.

– У нас все будет хорошо, но большая часть денег Гарольда вложена в коммерческую недвижимость, а это сейчас рынок неустойчивый. Это и так понятно.

– А деньги, которые тебе оставил папа?

– Их давно нет. С их помощью мы спасали бизнес Гарольда, пока тот не выйдет в плюс.

Франси расправила плечи и слегка повысила голос, как учитель, успокаивающий учеников во время пожарной тревоги:

– Все будет прекрасно, когда рынок сам собой выправится, как это обычно и бывает. А пока? Пока нам тоже пришлось ужаться. Гарольду нужно думать о своих детях. Сейчас доступных средств у нас нет, и так будет еще какое-то время. Нам тоже пришлось пересмотреть свои ожидания и планы с учетом нынешнего состояния экономики.

Франси откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди, оценивающе смотря на своих детей.

– К тому же Лео ваш брат. Мне и в голову не могло прийти, что вы не поможете ему в столь отчаянной ситуации...

– Которую создал он, и только он, – перебил Джек.

Франси наставила на Джека палец:

– Ваш отец составил такие условия пользования счетом, чтобы я могла к нему обратиться в случае необходимости, именно по этой причине. Это была семейная необходимость.

– Что именно было необходимостью? – спросил Джек. – То, что Лео годами развлекался и не работал? То, что женился на мотовке мирового уровня? То, что разбил «Порше» – а тот ему был даже не по карману! – потому что его член был в кулаке официантки?

Франси по другую сторону стола прижала кончики дрожащих пальцев к векам в морщинах, забитых фиолетовыми тенями, из-за которых казалось, что у нее вокруг глаз синяки.

– Я не хочу продолжать этот разговор.

Она открыла глаза, обвела взглядом стол, и выглядела удивленной – как всегда, когда видела своих детей.

Франси знала, что никакой награды как лучшей матери ей не положено – она и не стремилась к ней никогда, – но не так уж она была и ужасна, правда? Что Леонард сотворил с днями, которые предполагал оставить лишь как небольшой доход на вторую половину их жизни? Как они вырастили детей, настолько непрактичных и вместе с тем настолько уверенных, что им все должны? Может быть, это ее вина. Она часто об этом думала, да и какая мать не думала бы. Ей было двадцать пять, замужем она была меньше года, когда родился Лео, а за ним очень быстро последовали Джек и Беа. Ее это настолько ошеломило, что она почти впала в апатию. И только она начала возвращаться к прежней себе, только начала справляться – Лео было шесть, Джеку четыре, Беа почти три, все наконец начали спать – сюрприз! Мелоди. Узнав об этой беременности, она почувствовала, будто утратила что-то, и это чувство задержалось на много лет, в течение которых Франси считала часы до тех пор, пока не могла наконец выпить, чтобы смягчить тревогу. Сейчас, думала она, ей бы поставили что-то послеродовое, прописали таблетки, и, возможно, все сложилось бы иначе. Гарольд – основательный, уверенный, надежный Гарольд – ее спас.

Может быть, проблема заключалась в ее браке с Леонардом; отношения у них были напряженные, без взаимопонимания (во всем, кроме секса – она до сих пор вспоминала секс с Леонардом, его неожиданный ненасытный энтузиазм, свою способность быть в постели уступчивой и внимательной, как нигде больше; если бы только они вдумчивее подошли к планированию семьи), и, возможно, воспитание детей тоже в итоге пострадало, но разве они так уж отличались от других родителей своего поколения? Она так не думала.

– Мама?

Голос Мелоди рывком вернул Франси в конференц-зал, оторвав ее от приятных воспоминаний о Леонарде и неожиданных местах, где они занимались любовью, когда дети были маленькими и постоянно требовали внимания. Одним из любимых была прачечная с ее запирающейся дверью и грохотом стиральной машины и сушики, дававшим некоторое уединение в смысле звука. У нее до сих пор срабатывал павловский рефлекс: она возбуждалась от запаха «Хлорокса».

Вот они – ее дети. По крайней мере, трое. Джек, вышедший из ее утробы отстраненным и самодостаточным. Он вечно пытался продать Франси какой-нибудь второсортный антиквариат

для ее дома, что-нибудь из своей лавки, слишком высоко оцененное и слишком дорогое. Она не понимала: это он глуп или считает глупой ее.

Беатрис казалась самой простой из четверых, но она писала эти свои рассказы. Когда вышел первый, Франси гордилась, готова была скупать десятки экземпляров и показывать друзьям – пока не прочла один, героиней которого должна была быть она, мать, описанная как «холодная и небрежно жестокая». Она никогда не говорила об этом рассказе с Беа, но все еще помнила кое-что оттуда – женщину, «смотревшую на мир сквозь призму бездонного желания; единственное, что давалось ей легко, – разочарование». К счастью, ее друзья не читали таких журналов; они читали «*Таун & Кантри*», читали «*Ледиз Хоум Джорнал*». У Беа всегда были тайны, всегда. Франси гадала, что творится в ее склоненной голове, пока руки летают туда-сюда со спицами и пряжей.

И Мелоди. Может, она подкинет Мелоди денег, чтобы хватило на ботокс или на что-то такое, чуть оживить эту мертвенность. Она была самой младшей и почему-то самой выпуклой, словно ДНК Пламов становилась жиже с каждым зачатием. Лео был сильным и крепким, а дальше каждому все больше недоставало. Она не могла сказать, что близка с Лео, но он всегда требовал меньше всех, и потому о нем она думала с наибольшим теплом.

Она помогла Лео, потому что Гарольд настаивал, чтобы она решила вопрос как можно быстрее. Он не хотел, чтобы кто-то из его многочисленных деловых партнеров, уже нервничавших из-за нынешнего финансового положения, связал его имя с публичным унижительным и, вероятно, разорительным судебным процессом. Связи Джорджа, многолетняя репутация семьи в городке и чек на солидную сумму сделали свое дело. Но помимо прочего ей понравился этот широкий жест. Она ощутила в себе силу и материнское начало; это было непривычно. Ей понравилось, как она смогла стереть все с доски и дать Лео второй шанс. Она верила во вторые шансы иногда даже больше, чем в первые, впуская потраченные по юности и неосторожности. Ее второй брак был тем, чего она заслуживала, даже если он вышел слегка консервативным, даже если ему не хватало драмы и физической гармонии, как с Леонардом. Но Гарольд хорошо к ней относился; о ней заботились; ее «бездонные желания» удовлетворялись.

И все же ей приходится противостоять расстрельному взводу – своим собственным детям, даже мадам Дефарж¹⁴ имеется во главе стола. И кто теперь *небрежно жесток*? Так оно всегда и бывало: что бы она ни делала, всего было мало; то, что она делала для одного, расстраивало другого. Победить она не могла. Будет ли этому конец? Она снова всмотрелась в их лица, ища какой-нибудь знак, какой-нибудь малейший намек на то, что они родились от нее и Леонарда. Помимо физических черт, самой очевидной приметы, она не видела ничего. Ничего. Думать она могла только одно: *я не узнаю никого из вас*.

– Мама? – повторила Мелоди.

– Вам надо поговорить с Лео, – наконец сказала Франси. – Уверена, он сможет вам все вернуть, как только уладит дела с Викторией. Я так понимаю, он продает почти все: квартиру, коллекцию. Ведь так, Джордж?

Джордж откашлялся, сложил пальцы домиком и прищурился, как будто в конференц-зал (где не было окон) вдруг пробился яркий луч солнца.

– Да, но, должен сказать, большая часть отойдет Виктории.

– Что значит «большая часть»?

– Почти все. Кое-что останется, он сможет продержаться какое-то время, пока не найдет работу. – Джордж замолчал, понимая, что сообщает еще одну дурную новость. – Как вы понимаете, Виктория могла все сильно осложнить, и уладить дело удалось только так.

– А страховка Лео? – спросила Мелоди. – Разве ему не причитаются какие-то выплаты?

¹⁴ Героиня романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах».

– Да... ну, это еще одно непредвиденное осложнение. Похоже, Лео не оплатил довольно много счетов, включая страховку.

Джек помассировал виски, словно пытался унять мигрень.

– Дайте я подытожу. Почти все имущество Лео уйдет на то, чтобы оплатить избавление от Виктории, ее молчание, что угодно, а наши деньги уйдут официантке, потому что Лео облажался.

Джордж пожал плечами:

– Я бы сформулировал это более детально, но в целом – да.

– Матильда Родригес, – сказала Беа.

Джек и Мелоди в замешательстве посмотрели на нее.

– Ее так зовут, – нетерпеливо произнесла Беа. – По крайней мере, мог бы назвать официантку по имени.

– Ты что, мычишь? – спросил Джек, поворачиваясь к Мелоди.

– Что? – вздрогнула та.

Она и правда напевала с закрытым ртом. У нее была такая привычка, от нервов, когда она волновалась или беспокоилась. Она пыталась не думать об аварии.

– Прошу прощения, – произнесла она, ни к кому прямо не обращаясь.

– Бога ради, – сказала Беа, – не надо извиняться за то, что поешь.

– Это та песня из «Кошек», – сказал Джек. – Я сейчас заору.

– Прежде чем мы закончим, – вмешалась Франси, прекращая эту слишком знакомую ей перепалку, – я бы хотела поблагодарить Джорджа. Не буду вдаваться в частности, достаточно сказать, что устроить Лео в клинику, договориться о соглашении, сделать все необходимое – на местном уровне, – позаботиться обо всем, не дать истории попасть в газеты – все это было блестяще, и мы бы повели себя неправильно, если бы не отдали ему должное, не поблагодарили за эту действительно блестящую работу, за профессионализм, и так далее и так далее.

Она кивнула Джорджу, как монарх, выражающий признательность верноподданному.

– Нам повезло, – сказал Джордж, стараясь не смотреть на Беа, руки которой замерли. – Все сложилось в нашу пользу. И ваша мать права. Все могло бы пойти гораздо, гораздо хуже. Я бы положил это в папку «лучший сценарий из возможных».

– Видимо, у нас разная система классификации, – сказала Мелоди.

– Так лучше для нас всех. – Франси встала и надела пальто. Мелоди пришлось собраться, чтобы не потянуться потрогать богатую темно-синюю ткань. – Мы не хотим, чтобы об этом говорил весь Ист-Энд.

– Мне наплевать, о чем говорит Ист-Энд, – сказал Джек.

– Мне тоже, – добавила Беа, понимая, что встреча заканчивается и что она, возможно, была излишне молчалива.

Франси оборачивала вокруг шеи лавандовый шарф. Мелоди не сводила с нее глаз. Шарф был таким тонким и воздушным, что напомнил ей фрагмент из той детской книжки, которую она читала девочкам, когда они были маленькими, – о принцессе, у нее было платье, сотканное мотыльками из лунного света.

– Какой у тебя шарф, – сказала Мелоди. – Красивый.

– Спасибо.

Франси, казалось, удивилась. Она пощупала ткань, потом размотала шарф, сложила его аккуратным квадратиком и подтолкнула по столу к Мелоди.

– Вот, – сказала она. – Возьми.

– Правда? – Мелоди невольно затрепетала. У нее никогда не было ничего настолько изысканного. Он, наверное, дорогой. – Ты уверена?

– Уверена, – подтвердила Франси, довольная благодарностью, отразившейся на лице Мелоди. – Твой цвет. Немножко тебя оживит.

– Ты в последнее время говорила с Лео? – спросила у нее Беа.

Франси смотрела, как Мелоди оборачивает шарф вокруг шеи. Цвет был не ее, но смотрелось все равно неплохо. Она поманила Мелоди к себе и поправила концы шарфа, подоткнув их.

– Вот так, – сказала она. Повернулась к Беа. – Я с ним говорила на прошлой неделе. Коротко.

– Как он?

Франси пожала плечами:

– Он Лео. Голос у него был вполне нормальный, учитывая обстоятельства.

– Он понимает, что ты задумала? – спросил Джек. – Что твоя невероятная щедрость от нашего имени – это не подарок, а ссуда?

– Уверена, Лео не нужно говорить, чтобы он ответственно относился к деньгам; он не дурак.

Франси уже надевала перчатки.

– Но он Лео, – сказал Джек. – Он что, чудесным образом должен начать заботиться о том, что будет с нами?

– Мы должны дать ему шанс, – возразила Беа.

– Вы все с ума посходили, – констатировал Джек.

Голос у него был уже скорее усталый, чем злой.

Недолгое ощущение успеха из-за подаренного Мелоди шарфа покинуло Франси. Она сухо и коротко улыбнулась, ни на кого не глядя.

– Я прослежу, чтобы он с вами связался, как только вернется в город, – сказала Франси. – Это я сделать в состоянии.

– И что тогда? – спросил Джек.

Франси пожала плечами:

– Позовите его пообедать.

Глава пятая

Встреча в «Устричном баре» на Гранд Централ была назначена отчасти для удобства – на вокзал приходил поезд Мелоди, и он был как раз на полпути между центром, где жили Джек и Лео, и квартирой Беатрис на севере, – отчасти из ностальгии. В те редкие дни, когда Пламы привозили всех четверых детей в город, они всегда обедали в «Устричном баре», заказывая целые блюда устриц с экзотическими названиями – «Чинкотиг», «Эмеральд-коув», «Пемакид» – и дымящиеся миски устричного супа. Детям Пламов нравился обеденный зал, где толпился народ (они никогда там не садились), и упорядоченное удобство просторной стойки, место у которой не нужно было бронировать (там они всегда и сидели). Им нравились головокружительные арочные потолки, покрытые плиткой Гуаставино¹⁵, и гирлянды белых светильников, делавшие зал сразу и роскошно романтическим, и слегка стерильным.

Мелоди пришла пораньше, чтобы перехватить братьев и сестру, прежде чем они усядутся за стойку. Она пошла на смелый шаг, заказала им столик в обеденном зале. Есть за стойкой ей надоело до тошноты; трудно поговорить, усевшись вчетвером в ряд, если только не занять крайние места, что удавалось редко. А сегодня им нужно было поговорить, к тому же она всегда хотела поесть в обеденном зале, сидя за столом, как делают цивилизованные ньюйоркцы. Но Лео опаздывал, а метрдотель соглашался сажать за стол только всех сразу. Кончилось все тем, что они оказались за стойкой и отослали официанта, заказав креветочные коктейли и кока-колу.

– Могли бы просто сказать, что нас трое, а потом подставить стул, когда придет Лео, – сказал Джек. – *Если* придет.

– Он придет, – сказала Беа.

– Ты с ним говорила? – спросил Джек.

– Нет, но он придет.

Мелоди мрачно открывала новую упаковку устричных крекеров. Метрдотель чуть голову ей не откусил, когда она спросила, не сохранит ли он за ними угловой столик.

– Мадам, – желчно ответил он, – приятного отдыха за стойкой.

– Ты с ним говорила? – обратился Джек к Мелоди.

– Я? – удивилась Мелоди. – Нет. Лео мне никогда не звонит.

– Я в пятницу получила от него имейл, – сказала Беа. – Но поскольку его еще нет, может быть, нам стоит обсудить, что сказать, когда Лео явится?

Они все поежились на стульях, с опаской глядя друг на друга.

– Ну, – начала Мелоди, – я...

– Продолжай, – подбодрила Беа.

– Я думаю, нам, конечно, надо убедиться, что с ним все в порядке, – запинаясь, произнесла Мелоди; она не привыкла быть первой.

Джек смотрел на нее с сомнением. Беа ободряюще улыбалась. Мелоди чуть выпрямилась.

– Думаю, надо спросить, как он себя чувствует. Выяснить, где он живет. Поддержать его. Беа кивала на каждое слово Мелоди.

– Согласна, – сказала она.

– А потом? – с нажимом спросил Джек.

– А потом, я так понимаю, спросить его про Гнездо, – ответила Мелоди. – Не знаю. Как ты хочешь начать?

– Я хочу вручить ему счет и спросить, когда он его оплатит, – сказал Джек.

¹⁵ Рафаэль Гуаставино Морено (1842–1908) – испанский архитектор, эмигрировавший в США в 1881 году. Он изобрел технику создания самонесущих арок и сводов с использованием терракотовой плитки, уложенной «елочкой».

Беа развернулась на стуле лицом к Джеку:

– Ребят, у вас какие-то финансовые проблемы? у Уокера нет работы или что?

Джек раздраженно фыркнул.

– У Уокера есть работа. у Уокера *всегда есть работа*. Я бы хотел дать Уокеру возможность немного отдохнуть от работы. В конце-то концов. Допустим, на будущий год, как мы планировали – всегда планировали, – Уокер мог бы сократить практику, и мы бы больше времени проводили за городом...

Джек умолк. Ему было неловко говорить об этом с сестрами. Он хотел остаться с Лео один на один, чтобы Беа и Мелоди не вмешивались, и донести до него, что прежде всего нужно отдать долг.

– Я тоже волнуюсь, знаете ли, – сказала Мелоди. – Нам скоро платить за колледж. Вы не представляете, сколько это теперь стоит. А дом...

– Что с домом? – спросила Беа.

Мелоди не хотела говорить о доме, о совершенно безумной и неприемлемой идее Уолтера насчет дома.

– Он дорого обходится!

Беа махнула официанту, жестом попросила долить в стаканы.

– Похоже, нас всех от этого воротит, – сказала она, – но и Лео я тоже знаю. Если мы сегодня на него надавим... – Она пожала плечами и посмотрела на Мелоди и Джека. – Вы знаете, что я права. Он просто от нас сбежит.

– Не сможет он от нас вечно бегать, – возразил Джек.

– А что мы сделаем? – спросила Беа. – Выследим его? Взыщем по суду его несуществующую зарплату? Умолять будем?

– По-моему, Беа права, – кивнула Мелоди.

– С каких это пор с Лео можно по-хорошему? – спросил Джек. – С каких пор можно как-то заставить Лео не ставить Лео превыше всего?

– Люди меняются, – сказала Беа, открывая еще одну пачку устричных крекеров.

– Люди куда чаще остаются такими же, как были.

– Не могу понять, почему он не бился с Викторией за квартиру и все остальное, – сказала Мелоди. – Почему он не постарался хоть что-то сохранить.

– Не можешь? – Перед глазами Беа встала та ночь в приемном покое, лицо Лео, его зашитый подбородок, шепот и стоны по другую сторону занавески, плачущие родители в коридоре, мать, тихо опускающаяся на колени и перебирающая четки. – Я понимаю. И ты бы поняла, если бы ты там была.

Мелоди очень старательно вытаскивала ломтик лимона из стакана и не думала об официантке. Их не было в городе в те выходные, когда состоялась свадьба, и она все пропустила. Джек тоже все пропустил; он никогда не посещал семейные мероприятия. Мелоди должна была сосредоточить всю свою энергию на том, что было действительно важно: на дочерях, муже и доме.

– Бога ради, – сказал Джек. – Едва ли все сводится к этому. Происходит что-то еще.

Он складывал уголок бумажной скатерти в крошечные складки, как оригами.

– Мы же говорим о Лео. У него где-то припрятаны деньги. Я знаю.

– Что значит ты знаешь? – спросила Мелоди. – У тебя есть доказательства?

– Нет, но это единственный разумный вариант. Я нутром чую. Подумайте. С каких пор Лео стал бояться драки?

– Беа? А ты что думаешь?

– Я не знаю, – ответила Беа, хотя ей тоже приходила в голову эта мысль. – Как он мог бы это проверить?

– Ой, ну есть способы, – сказал Джек. – На удивление легко.

Вокруг них кружил раздраженный официант. Они распотрошили кучу упаковок с устричными крекерами, и теперь вся стойка перед ними была усыпана пустыми целлофановыми обертками и крошками. Беа принялась собирать крошки в кучку и стряхивать их на тарелку с хлебом и маслом.

– Он не придет, – сказал Джек.

Беа проверила телефон.

– Он просто явится вовремя – для Лео.

И тут, словно на реплику, Беа увидела, как Мелоди выпрямилась, подняла левую руку и нервно взбила свою слишком светлую челку. Джек тоже выпрямил спину. Его челюсть выдвинулась вперед, как всегда, когда он уходил в оборону, но потом он встал, помахал, и, не успев обернуться, Беа ощутила руку на своем плече, знакомую тяжесть и тихое особенное пожатие, и ее сердце сплясало тустеп, быструю джигу облегчения, и она обернулась, посмотрела вверх – и вот он, Лео.

Глава шестая

В тот день, когда Лео ступил на порог Стефани, она сразу приспособила его к делу: перетаскивать примерно полкорда¹⁶ дров, сложенного на заднем дворе, на кухонную веранду под брезент – на случай если буря на самом деле окажется такой страшной, как предсказывали прогнозы погоды. Пока Лео складывал дрова, у него загудел телефон. Perezванивал «ключок бумаги» – и надо же, голос на другом конце принадлежал старому знакомцу, дилеру по имени Рико. Они быстро обменялись любезностями и поспешно договорились встретиться на своем обычном месте – в машине Рико, припаркованной у Центрального парка, рядом с «Земляничными полями», – через три дня, прямо перед семейным обедом. Ничего серьезного, немножко травки, чтобы расслабиться; и, возможно, немного викадина. Может, он даже и не пойдет. Может, попробует сохранить ясную голову еще на несколько недель, поглядеть, как оно. Лео любил, когда есть выбор. Стефани выглянула из-за двери и попросила его принести немного дров в гостиную. Проходя по первому этажу, Лео восхищался тем, как она переделала дом, как сохранила все старое, но вместе с тем создала ощущение современности, привнесла свое.

У Стефани хватило прозорливости купить дом на исходе правления Джулиани¹⁷, всего через несколько недель после 11 сентября, во время того, что оказалось одним из кратчайших периодов падения цен на недвижимость. Когда она переехала в квартал на «неправильной» стороне Флэтбуш-авеню, не на стороне Парк-Слоуп, все, включая Лео, посчитали, что она с ума сошла. В одном из домов на углу процветал наркопритон. На окнах ее дома стояли уродливые железные решетки. Дверь кухни, выходящая на неиспользуемую гниющую веранду, была наглухо заложена бетонными блоками. Но в тот день, когда она смотрела дом, она заметила, что дорожные рабочие сажают вдоль улицы, на «ее» стороне, вишневые деревья, а это, как она знала, означало, что в районе активное сообщество соседей. Под ее квартирой можно было сдавать неплохую на первом этаже. Да и сам размер дома – на одном первом этаже поместились бы три ее студии в Верхнем Вест-Сайде. Прогуливаясь в тот день по району, она насчитала три пары с колясками. Ее агентство было на подъеме, а она всегда жила скромно, откладывая все, что можно. Она заплатила, сколько просили.

– Когда у тебя завелся такой прекрасный вкус? – спросил Лео. – Где весь тот хлам из «Икеи», который я помогал тебе собирать?

– Не ты один вырос и начал зарабатывать, Лео. Я уже много лет как избавилась от той икеевской мебели.

Она вышла в гостиную из кухни, вытирая руки посудным полотенцем, радуясь, что может вместе с Лео восхищаться домом. Она любила свой дом; он был ее детищем.

– В итальянском стиле, да? – спросил Лео, рассматривая вычурный мраморный каминный портал.

На центральном медальоне была вырезана девушка. Ее лицо обрамляли мраморные кудри, нос был длинным и прямым, губы пухлыми, она смотрела в упор. Он провел большим пальцем по ее губам, ощутил острый край крошечной выбоины посередине нижней; из-за этого повреждения рот молодой женщины казался и изуродованным, и странно притягательным.

– Разве она не совершенство? – сказала Стефани. – На большинстве порталов, что я видела, вырезаны фрукты или цветы. Никогда не встречала лиц. Мне нравится думать, что она что-то значила для того, кто построил дом. Может, это его дочь или жена.

– Она мне кого-то напоминает.

– Мне тоже. Не могу понять кого.

¹⁶ Корд – единица измерения объема дров. В США равен объему поленицы 4×8×4 фута (примерно 3,62 м³).

¹⁷ Рудольф Джулиани (р. 1944) – американский политик, мэр Нью-Йорка в 1994–2001 годах.

– Сиськи у нее классные.

– Не пошли.

Стефани знала, что Лео ее провоцирует.

– Прости.

Он подошел к огню и подкинул дров, посмотрел, как взметнулось пламя, когда он поворошил угли железной кочергой.

– У нее красивое декольте. Так лучше?

– Прекрати пялиться на грудь беззащитной Лилиан.

– Не говори, что ты дала ей имя, – сказал Лео, качая головой. – Прошу, скажи, что кто-то другой назвал ее Лилиан.

– Я назвала ее Лилиан. Мы иногда болтаем. Не трогай ее грудь.

– Не настолько я озабочен.

Он сел на один из диванов, стоявших у камина, осмотрел комнату, ища следы мужского присутствия.

– Платочка больше нет?

Стефани невольно улыбнулась. *Платочком* Лео прозвал одного из ее любовников, уже после себя, того, с кем она прожила недолго и кто однажды опрометчиво надел на книжную вечеринку бархатный пиджак с шелковым шейным платком.

– Его здесь уже много лет нет.

– Не хватило места для его домашних курток?

Она покачала головой.

– Мне правда нужно защищать человека, сто лет назад неудачно выбравшего наряд?

– Я помню еще летнюю соломенную шляпу.

– У тебя всегда была прекрасная память на то, что позволяло чувствовать собственное превосходство.

– Что мне сказать? Шляпы и шейные платки – это не мое.

– Тут мы похожи.

Лео снял промокшие ботинки и поставил их у камина, чтобы просохли. Положил ноги на кофейный столик. Стефани села напротив.

– Ты всегда умела их выбирать, – сказал Лео.

– Иногда попадались отличные.

– Например? – спросил Лео, откликаясь на легкий отзвук флирта в ее голосе.

– Уилл Пек.

– *Пожарный?*

– Да, *пожарный*. Он был замечательным. С ним было легко.

Лео это поразило. Он видел пожарного всего один раз, тот запомнился ему тем, что был подозрительно хорош собой и подтянут. Бывший морской пехотинец или что-то настолько же brutальное.

– Помимо физической силы, развитой в морской пехоте...

– Не будь таким снобом. Уилл интеллектual, человек эпохи Возрождения.

– *Эпохи Возрождения?* – Лео не мог удержаться от насмешливого тона.

– Да. Он путешествовал. Читал. Готовил. Делал что-то своими руками.

– Что? Строгал? Нет, нет, я забыл, мы же в Бруклине. Вязал? Это он тебе связал этот свитер?

– Это вряд ли, – сказала Стефани. – Это свитер из итальянского кашемира.

Она указала на книжный стеллаж, стоявший вдоль противоположной стены, тот, изящный минимализм которого так восхитил Лео.

– Вот, это он построил.

– Хорошо, признаю, – сказал Лео. – Хороший стеллаж.

- Потрясающий стеллаж.
- Так почему его здесь нет, если он такой прекрасный?
- Может быть, потому, что его еще не выгнала из дома жена.
- Понял.

Он это заслужил. Он не мог отвести взгляд от стеллажа; приходилось признать, тот и правда был потрясающим.

– И он хотел другого. – Стефани на секунду замолчала, задумавшись о том, как хорошо было с Уиллом и как она в итоге не смогла сделать его счастливым. Она иногда встречала его с новой женой. Детей у них вроде бы пока не было. Она подняла глаза и подумала: «Лео!»

А потом: «Осторожнее!»

Снаружи усиливалась буря. На улицах было тихо, ни пешеходов, ни машин. Казалось, весь город сжался от непогоды. Огонь трещал, шипел и согревал комнату. Лео начал расслабляться впервые за несколько недель, по сути, впервые после аварии. Он скучал по Стефани, по тому, как легко с ней было, по ее надежному и успокаивающему присутствию. Она сидела напротив него в свете камина и лучилась здоровьем, благополучием и добросердечием.

- Поверить не могу, что ты продала свой бизнес, – сказал он.
- Поверить не могу, какой ты лицемер.
- Я не лицемер, я говорю по опыту. Мне не следовало продавать.
- Это сейчас ты так говоришь. Я помню те времена. Тебя страшно заводил чек на крупную сумму. И к тому же я не продала, это слияние. Моя жизнь станет намного проще. Жду не дождусь.

– Говорю тебе, – сказал Лео. – Для меня это было началом конца.

Стефани пожала плечами, взяла из вазы на столе клементин, стала его чистить.

– Мог бы остаться. Нэйтан хотел, чтобы ты остался.

Нэйтан Чаудери был партнером Лео по «Спикизи Медиа». Работал за кулисами, управлял финансовой стороной – и остался после слияния; теперь он был финансовым директором всего конгломерата. С точки зрения Стефани, началом конца для Лео была не продажа «Спикизи», а «приобретение» Виктории и то, что последовало за этим, – то есть ничего.

Она до сих пор помнила день, когда Лео сказал ей, что планирует продажу, день, когда она зашла к нему на работу, в то время они пытались – и у них почти получалось – «просто дружить». В его кабинет вошла Виктория.

– Привет, – сказала она Лео, чуть подняв брови, с ровной и самодовольной улыбкой.

В этом одном «привет» Стефани услышала все. Интимную монотонность нижнего регистра в исполнении Виктории. Такое «привет» означало, что они проснулись утром в одной постели, наверное, у них от рук все еще пахнет друг другом. Это «привет» не было вопросительным, сдержанным или извиняющимся; оно метило территорию. Стефани и раньше слышала такое «привет», оно исходило из ее собственного глупо самоуверенного рта. После того как Лео продал «Спикизи» и женился на Виктории, он практически пропал с радаров. Последнее, что нужно было Стефани, – это его советы о жизни или о бизнесе.

– Тебе надо было мне позвонить, – сказал Лео.

– Зачем бы мне тебе звонить, Лео? Когда мы в последний раз разговаривали?

Стефани не собиралась повышать его самооценку, признаваясь, что она на самом деле звонила. Она оставила сообщение в его голосовой почте, и кто-то, назвавшийся «личной помощницей» Лео, ей перезвонил.

– А в чем именно вы ему помогаете? – спросила Стефани девушку, которой, судя по голосу, было лет шестнадцать. – У Лео есть работа?

– Лео работает над несколькими проектами, – сказала девушка.

Она говорила до смешного робко и нервничала. Стефани предположила, что она притворяется помощницей, чтобы установить личность всех женщин, звонивших Лео. Ну что ж, подумала Стефани, удачи.

– Что мне сказать Лео, по какому вы вопросу? – спросила девушка.

Стефани повесила трубку и больше не перезванивала.

– Я тебе звонил, – сказал Лео.

– До сегодняшнего дня? Два года назад.

– Быть не может.

– Два года.

– Господи, – сказал Лео. – Прости. – Он рассмеялся. – Если тебе от этого станет легче, я перестал быть интересным как раз года два назад.

– Начнем с того, что мне не было особенно тяжело, но спасибо.

Он нахмурился и посмотрел на нее, все так же недоверчиво и уязвлено.

– Два года? Серьезно?

– Серьезно, – сказала она.

– Тогда иди сюда и расскажи, чем ты вообще занималась, – сказал он, похлопывая рядом с собой по дивану.

Несколько часов спустя, когда они съели баранину, подбросили дров в огонь и Стефани посвятила его в последние новости и сплетни издательского мира, после того, как Лео убрал со стола, загрузил посудомойку (кое-как) и ополоснул кастрюли (еще хуже), он открыл еще бутылку каберне, а Стефани разложила по мискам мороженое, и они вернулись в гостиную.

– Тебе можно это пить? – спросила она, указывая на бокал.

– Технически, я так понимаю, нет, – сказал он. – Но у меня проблемы не с выпивкой. Ты же знаешь.

– Я ничего не знаю, Лео. Ты можешь и героином колоться. Вообще-то я что-то слышала про героин, было дело.

– Полная чушь, – возразил Лео. – Были ли излишества? Да. Сознаю ли я, что надо бы держаться подальше от спидов? Да. Но это, – он поднял бокал, – для меня не проблема.

– Так ты мне расскажешь, что случилось? Хочешь об этом говорить?

– Не особенно, – сказал Лео.

Он не был уверен, что именно дошло до Стефани и о чем она умалчивает. Джордж заверил его, что этот скелет надежно заперт в шкафу. Он заплатил состояние, чтобы заставить Викторию молчать, но он просто никому не верил. Стефани помолчала, позволяя тишине набрать разбег. На окне, выходящем на улицу, скопился снег, с перил соседнего магазина свисала ненадежная толща дюймов в шесть. По заснеженной улице проползла одинокая машина, ее слегка заносило. Стефани слышала, как в соседнем дворе визжат и смеются дети. Их отец кричал: «Не ешьте снег! Он грязный!»

– Нам не обязательно это обсуждать, Лео, но я умею хранить тайны.

Перед ним один за другим всплывали образы той ночи: визг тормозов, острота соленого воздуха, удивительно нелепый голос Марвина Гэя, доносящийся из колонок ударившего их внедорожника, убеждавший их «не останавливаться». Лео задумался, надо ли об этом говорить. В клинике он даже не пытался. Интересно, что скажет Стефани, если он просто выложит ей все, здесь и сейчас. Когда-то они все друг другу рассказывали, или – мысленно поправил он себя – она рассказывала ему все, а он рассказывал ей то, что ей, по его мнению, нужно было знать. Вышло не очень хорошо.

– Лео?

Лео не понимал, как вообще начать об этом говорить. Он посмотрел на резное лицо на мраморе каминного портала и понял, отчего оно ему знакомо: волна волос, тонкий аристократический нос, оценивающий взгляд.

– Она похожа на Беа, – сказал он.

– Кто?

– Лилиан. Твоя каменная подружка. Она похожа на Беа.

– Беа, – простонала Стефани, закрыв глаза.

– Она ничего так. Беа.

– Нет, дело не в этом. Она мне несколько раз звонила, а я от нее бегаяю. Что-то по поводу ее новой работы.

– Господи. Только не роман.

– Нет, нет, нет. Я ей давным-давно сказала, что больше не стану читать этот роман. Вообще-то я ей сказала, чтобы она искала другого агента. Она оставила мне сообщение про какой-то новый проект... но я просто не могу.

Стефани встала и собрала пустые миски из-под мороженого; умиротворение было нарушено.

– Это одна из многих причин, по которым я рада, что стану частью большой организации, – сказала она. – Ужасно чувствовать себя ответственной за бывшие таланты. Слишком расстраиваешься. Я могу передать ее кому-то, кто ее без всяких угрызений зарежет.

Мысль о том, что Беа зарежет какой-то безымянный ассистент, вызвала у Лео неожиданную печаль. Он не удивился, когда ее первые рассказы оказались чем-то вроде аномалии, вызванной юностью и бесстрашием (благодаря *ему*), но теперь она, судя по всему, исписалась. А ведь она была первым заметным клиентом Стефани, благодаря ей очень юную Стефани принимали всерьез редакторы и обозреватели. Ему не хотелось представлять, как Беа вынуждена будет всю оставшуюся жизнь работать с Полом Андервудом в каком-то литературном журнале и жить в одиночестве в своей квартирке на севере. О брате и сестрах тяжело было думать по разным причинам, так что он этого и не делал. Сейчас казалось, что его мыслям некуда устремиться, всюду были противопехотные мины – сожаление, злость или чувство вины.

– Ты прав, – сказала Стефани, остановившись и посмотрев на портал. – Она правда похожа на Беа. Черт.

– Не уходи, – сказал Лео.

– Я только на кухню.

– Останься, – сказал он.

Ему не понравилось, как прозвучал его голос, как он чуть-чуть дрогнул. И очень не понравилось, как внезапно, стремительно участился его пульс, что до сих пор бывало связано с определенным классом стимуляторов, а не с гостиной в Бруклине, Стефани и камином.

– Сейчас вернусь, – сказала Стефани.

Лео, казалось, слегка побледнел, и на мгновение вид у него сделался потерянный, почти испуганный; это ее встревожило.

– Лео?

– Все хорошо. – Он помотал головой и встал. – Это твоя старая вертушка?

– Да, – сказала она. – Поставь что-нибудь. Я просто сполосну их.

Из кухни Стефани слышала, как Лео роеется в ее пластинках. Он крикнул:

– В музыке ты по-прежнему ничего не смыслишь!

– Музыка у меня, как у всех в Америке, в компьютере. Это старье. Я просто достала вертушку из подвала пару месяцев назад.

Лео зачитывал обложки альбомов:

– Синди Лопер, Пэт Бенатар, Хью Льюис, Пола Абдул? Это какое-то адское MTV, программа «Где они сейчас?».

– Скорее, «Угадайте, кто вступил в клуб „Коламбия Рекордс“ в восемнадцать».

Лео слегка поморщился, услышав о «Коламбии Рекордс». Отмахнулся.

– А, вот, – сказал он.

Стефани услышала, как закрутился проигрыватель и знакомое потрескивание, когда игла вошла в дорожку. Потом раздались первые, пугающе дисгармоничные ноты фортепьяно, и комнату заполнил вязкий, рокоchущий голос Тома Уэйтса: «Пианино напилось, мой галстук спит».

Стефани не слышала эту песню много лет. Наверное, с тех пор, когда они с Лео были вместе. Альбом, скорее всего, принадлежал ему. Он будил ее в похмельное утро (их было много; почти все), напевая эту песню. Подтаскивал ее, сонную, к себе, обнимал, упирался привставшим членом ей в спину. Она вяло пыталась зарыться обратно в постель, цепляясь за сон и ощущение обнимающих ее рук, такое спокойное.

– От тебя воняет, – стонала она, изображая куда больше раздражения, чем чувствовала; она, в общем, и не возражала против его несвежего дыхания. – Пахнешь, как мой дядя Хауи после ночи в баре.

Он напевал ей на ухо надтреснутым от виски голосом: «Пианино напилось, а не я, не я, не я».

Стефани начала перемывать сковородку, которую Лео бросил на столе с жирной пленкой, пытаясь примириться с тем, что Лео у нее в гостиной, тот Лео, с которым она последний раз виделась почти два года назад, как-то вечером, и он был с Викторией; казалось, они оба под кайфом. Этот Лео был тоньше и, несмотря на то, что она слышала (и иногда наблюдала) – несколько лет активной ночной жизни, проблемы в браке и дебоши, – почему-то выглядел моложе. Он был тише, спокойнее. Такой же смешной. Такой же хваткий. Такой же красивый.

Она покачала головой. Она *не собирается*, совершенно точно *не собирается* снова втягиваться в орбиту Лео. Вообще лучше установить какие-то внятные твердые условия, на которых он может остаться. И еще надо сходить наверх и постелить на раскладном диване в кабинете.

А потом Лео вдруг оказался у нее за спиной. Положил ей руку на плечо.

– Хочешь, потанцуем?

Она рассмеялась.

– Нет, – ответила она. – Я совершенно точно не хочу с тобой танцевать. И еще: ты ужасно моешь посуду. Только посмотри.

– Я серьезно, – сказал он.

Он вынул ее руки из мыльной воды.

– Лео, – она была тверда, – я ясно выразилась.

Она держала оборону, но он слышал в ее голосе что-то новое, какое-то мимолетное колебание.

Он придвинулся ближе.

– Ты сказала: не трахаться. Я уважаю требование не трахаться.

Лео был полностью на ней сосредоточен. Желание было физическим, да (двенадцать недель воздержания, не считая пары быстрых моментов с помощницей терапевта в тренажерном зале клиники), но еще он помнил, как ему это нравилось – пробиваться сквозь ее защиту, раскрывать ее, как устрицу. Он давно об этом не думал, о том, какое наслаждение видеть, как ее стальной скелет слегка поддается, слышать, как у нее перехватывает дыхание. Как хорошо побеждать. К черту пожарного.

Она вздохнула и посмотрела ему за спину, в окно, выходившее в бруклинскую ночь, на снежинки, бешено вращавшиеся в луче фонаря на кухонной веранде. Руки у нее были мокрые и холодные, тепло пальцев Лео на ее запястьях сбивало с толку.

Лео не мог понять, что за выражение у нее на лице. Сожаление? Надежда? Поражение? Желания он пока не видел, но помнил, как его вызвать.

– Стеф? – позвал он.

Она слегка улыбнулась, но улыбка была невеселой.

– Правда, Лео, – тихо сказала она, почти умоляюще. – Я счастлива.

Он стоял достаточно близко, чтобы зарыться лицом ей в шею и вдохнуть запах ее кожи, всегдашний, чуть отдающий хлоркой, из-за чего ему казалось, что он может поплыть в ней, уверенно и легко. Так они простояли какое-то время. Он чувствовал, как его колотящийся пульс постепенно замедляется, подстраиваясь под надежный ритм ее ровно бьющегося сердца. Он отстранился, чтобы взглянуть на нее. Провел большим пальцем по ее нижней губе, так же, как раньше по мраморному барельефу, только на этот раз губа подалась.

И тут на заднем дворе раздался оглушительный грохот, словно ударил гром. Потом замигал свет. А потом все погрузилось во тьму.

Глава седьмая

Явившись в «Устричный бар», Лео каким-то образом очаровал угрюмого метрдотеля. Через минуту Пламов усадили за столик, покрытый скатертью в красную клетку, и они как-то сами собой расселись по старшинству: Лео, Джек, Беа, Мелоди. Они сняли пальто и шапки и устроили целый спектакль, заказывая «только воду и кофе». Лео извинился за опоздание, объяснил, что живет у друга в Бруклине («Стефани!» – поняла Беа), сел не на тот поезд и пришлось возвращаться. Непременный разговор о том, как в Бруклине сталолюдно и дорого и почему на метро в выходные нельзя полагаться, а еще эта погода, снег в октябре! Потом все замолчали и воцарилась неловкая тишина – только Лео совершенно спокойно наблюдал за сестрами и братом, смущенно смотревшими на него в ответ.

Все трое гадали, как у него это получилось, как ему всегда удается сохранить невозмутимость, доведя всех до кипения, как даже сейчас, на этом обеде, когда это Лео должен был бы смутиться, признать свою ошибку, и баланс сил мог бы – *должен* был бы! – сместиться в их сторону, ему все равно удалось управлять их вниманием и излучать силу. Даже сейчас они почтительно ждали, *надеялись*, что он заговорит первым.

Но он просто сидел и смотрел на них, заинтересованно и выжидающе.

– Рады тебя видеть, – сказала Беа. – Хорошо выглядишь. Поздоровел.

От ее приветливости Джек расслабил плечи, а лицо Мелоди как будто стало мягче.

Лео улыбнулся:

– Я так рад вас всех видеть. Правда.

Мелоди почувствовала, что краснеет. Смешавшись, прижала ладони к щекам.

– Думаю, надо сразу перейти к делу, – сказал Лео.

В такси от Центрального парка он решил сразу разобраться со всем неприятным. Он понял, несколько неожиданно, что бесценно мало думал об этом за долгие недели в «Бриджес». Он так сосредоточился тогда на Виктории и разводе, что не принял во внимание последствия действий Франси. Честно говоря, он не вполне понимал, что именно сделала Франси, до позавчерашней недели. Тогда Джордж впервые сказал, что его мать дала денег откупиться от Родригесов, и Лео на мгновение понадеялся, что это были ее – или Гарольда – значительные средства. Увы.

– Я знаю, вы хотите поговорить о «Гнезде», – продолжал Лео, с удовлетворением наблюдая за их изумленными лицами – как прямо он подошел к проблеме. – И для начала я хочу сказать спасибо. Я знаю, вы не обязаны были соглашаться на план Франси, и я вам благодарен.

Беа посмотрела на Мелоди и Джека, которые заерзали на стульях; вид у них был смущенный и встревоженный.

– Что? – спросил Лео, осознав, что происходит, с минутным опозданием.

– Нам в общем-то не оставили выбора, – сказал Джек.

– Мы ни о чем не знали, пока все не было сделано, – подтвердила Мелоди.

– Правда? – Лео обернулся к Беа.

Она кивнула.

Лео откинулся на спинку стула и осмотрел собравшихся. Конечно. Он мысленно отругал себя за просчет, но все же на мгновение ощутил прилив воодушевления: Франси совершила ради него такой решительный, такой особенный поступок. Правда, Лео быстро понял, что и в этом ошибся. Франси пришла на помощь не ему; без сомнения, она спасала себя – и Гарольда. у Лео в ушах зазвучал гнусавый голос Гарольда, твердящего, что это разнесут «по всему Ист-Энду».

Беа настороженно следила за тем, как Лео воспринял новости.

– Я пыталась тебе позвонить, Лео, – сказала она. – Много раз.

– Ясно, – ответил он. – Ладно.

Все осложнилось.

Когда Лео и Виктория обручились, вскоре после того, как он продал «Спикизи» и «ушел в творческий отпуск» (как он это про себя называл), а она отказалась подписывать брачный договор, он открыл во время одного из их дайвинговых туров на Большие Каймановы острова офшорный счет. Действовал он, повинувшись внезапному порыву, пока Виктория ходила по магазинам. Счет был абсолютно законный, и хотя он планировал рассказать о нем Виктории, как-то так вышло, что не рассказал. Лео считал его небольшой страховкой, своего рода частной пенсией, возможно, способом сохранить какие-то деньги, если придет тяжелый день. Когда его брак начал разваливаться, он стал увеличивать баланс. В том, с каким размахом они с Викторией тратили деньги, был один плюс: она перестала замечать, на что эти деньги уходят. Пара тысяч туда, пара тысяч сюда; за годы и накопилось. Он постоянно думал об этих деньгах и о том дне, когда просто соберется и уйдет. От того, чтобы сделать это годы назад, его удерживала надежда, что Виктория устанет от него первой, влюбится в кого-то и уйдет от него, а он сможет избежать разорительного развода. Когда стало понятно, что она этого никогда не сделает (почему он не мог жениться на женщине столь же красивой, но не такой расчетливой?), он сдался более разгульной части своей натуры. Он без сожаления наблюдал, как тают деньги на их общих счетах. Так что хотя авария была унижительным и плачевным событием, она еще странным образом освободила его от жизни, из которой он уже отчаялся вырваться. Несколько месяцев он ждал, что адвокаты Виктории отыщут его заначку и торжествуя на нее укажут, но никто этого так и не сделал. У него было припрятано около двух миллионов долларов, почти столько, сколько он задолжал «Гнезду». Он ни гроша не взял из сберегательного вклада с низкими процентами; все было в целости и сохранности. В доступе. Если он пополнит фонд, чтобы заплатить брату и сестрам, два миллиона придется разделить на четыре. Математика работала совсем не в его пользу.

– Хотел бы я, чтобы у меня где-то лежали деньги, чтобы выписать вам чек, – сказал Лео.

Он положил ладони на стол и чуть наклонился вперед, глядя всем прямо в глаза. Он столько лет управлял компанией, что не мог не научиться на ходу производить расчеты и проводить совещания. Ему по-прежнему просто нужно было выждать время.

– Но у меня их нет. Мне понадобится время.

– Сколько времени? – слишком быстро спросила Мелоди.

– Хотел бы я знать, – сказал Лео так, словно больше всего на свете желал знать ответ на этот вопрос. – Но вот что я вам обещаю: я немедленно начну работать и приложу все силы, чтобы все восстановить. у меня уже есть кое-какие соображения. Я уже начал обзванивать людей.

– И какой у тебя план? – спросил Джек. Ему были нужны подробности. – Ты можешь занять деньги, которые нам задолжал? Заплатить нам и быть должным кому-то другому?

– Вполне возможно, – сказал Лео, понимая, что его шансы взять у кого-то в долг сейчас равны нулю. – Возможностей вообще много.

– Например? – спросил Джек.

Лео покачал головой:

– Я не хочу выкладывать все «а если» и «может быть».

– Ты думаешь, тебе удастся собрать деньги – или хотя бы часть – к тому времени, когда мы должны были их получить? – спросила Мелоди.

– К марту? – уточнил Лео.

– К февралю. У меня день рождения в феврале, – сказала Мелоди, слишком паниковавшая из-за того, как пошел разговор, чтобы возмутиться.

– В марте у меня, – напомнила Беа.

– Точно. – Лео побарабанил по стулу большим пальцем и мизинцем. Казалось, он производит в уме какие-то сложные вычисления. Все ждали. – А что, если так, – наконец сказал он. – Дайте мне три месяца.

– Чтобы с нами расплатиться? – спросил Джек.

– Нет, чтобы разработать план. Надежный план. Не думаю, что мне понадобятся три месяца, но вы же знаете, как сейчас с финансами. – Последнее было адресовано Джеку. – У тебя же у самого бизнес.

Джек кивнул, мрачно соглашаясь.

Беа подавила желание закатить глаза. Лео. Ну и говнюк же он.

– И учтите праздники, когда трудно будет застать кого-то на месте. Думаю, мне нужны три месяца, чтобы предложить вам какие-то варианты, – сказал он. – В идеале больше одного, чтобы вы получили полные выплаты как можно быстрее. Я не обещаю к февралю, но обещаю, что буду работать изо всех сил, как никогда ни над чем не работал, и все сделаю.

Он снова обвел взглядом стол.

– Прошу вас, доверьтесь мне.

Часть вторая. Поцелуй

Глава восьмая

Пол Андервуд управлял своим литературным журналом, *«Пейнер Файберз»*, из ряда небольших офисов-клетушек, куда надо было подняться по вытертой лестнице слегка просевшего здания в тени Манхэттенского моста. Он купил четырехэтажный кирпичный дом до того, как Дамбо в Бруклине превратился в ДАМБО¹⁸, когда высокие цены вытеснили мигрирующих манхэттенцев с Бруклин-Хайтс и Коббл-Хилл, но сердца их по-прежнему стремились к эстетически нетронутым, исторически ценным и относительно доступным браунстоунам¹⁹ Парк-Слоуп и Форт-Грин. Он наткнулся на этот райончик однажды солнечным воскресным днем, когда перешел Бруклинский мост. Лениво направляясь на север, он забрел в квартал промышленной застройки и обошел его, восхищаясь серо-голубым бельгийским кирпичом, выложенным на мостовых сложными узорами, опутывавшими давно заброшенные колеи для тележек. Он с одобрением отметил отсутствие дорогих бутиков одежды, кофеен с завышенными ценами, ресторанов, выставлявших напоказ кирпичные печи с горящими дровами. В каждом четвертом здании, казалось, располагалась автомастерская или какая-то ремонтная служба. Ему понравилось настроение этого места; оно напомнило ему Сохо – тех давних лет, когда в Сохо еще были и энергия, и хватка, и немного театральная угроза. Знак у воды извещал, что грязный парк, населенный наркодилерами и их клиентами, подлежит расширению и реновации, а еще он заметил по всему району рекламные щиты того же девелопера, объявлявшие о перестройке складов в кондоминиумы.

В тот день, стоя на углу Плимут-стрит на излете двадцатого века, слушая лязг и грохот грузовиков, режавших севернее на подходе к Манхэттенскому мосту, наблюдая за тем, как солнце озаряет массивные арки Бруклинского моста на юге, Пол Андервуд увидел свое будущее: знак «Продается» на, казалось, заброшенном здании на углу. На вершине красновато-коричневого фасада можно было различить выцветшие белые буквы рекламы давно почившего бизнеса, который когда-то размещался в этом здании: «ПЛИМУТСКАЯ БУМАЖНАЯ МАССА, ИНК.». Пол счел рекламу знаменем. Он купил это здание на следующей неделе и на следующий год открыл свой литературный журнал – *«Пейнер Файберз»*.

Пол жил на верхнем этаже здания (две спальни, хороший ремонт, аккуратная обстановка, потрясающие виды) точно над редакцией *«Пейнер Файберз»*, ютившейся в передней половине

¹⁸ Скорее всего, речь идет о выделении в 2000 году исторического района ДАМБО (The DUMBO Historic District) в одноименном (Dumbo) районе Бруклина.

¹⁹ Букв. «дома из коричневого камня» (brownstone). Их строили в Нью-Йорке в начале XX века. По сути своей похожи на таунхаусы.

третьего этажа. Задняя половина и весь второй этаж были заняты скромными, но прибыльными квартирами под сдачу. На первом размещался магазин белья. «Ла Роза» не торговала дорогим бельем, ничего кружевного, никакого пуш-апа и прозрачных штучек; там продавали белье, которое Пол называл бельем для пожилых дам, матронистое. Даже пластиковые торсы манекенов в витринах выглядели уютно, они были плотно опутаны бюстгалтерами и поясами, напоминавшими смиренные рубашки – ряды крючков, свисающие эластичные ремни и укрепленные плечевые бретельки. Пол понятия не имел, как они умудряются оставаться в деле, он никогда не видел в магазине больше одного покупателя за раз. У него были подозрения, но чек за аренду каждый месяц приходил вовремя, и, с его точки зрения, «Ла Роза» вольна была отмывать деньги или чулки или продавать какие угодно необычные товары клиентам мужского пола, как правило, уходившим с пустыми руками.

Пол приложил массу усилий, чтобы разделить работу и дом. Он никогда не брал работу «наверх», никогда не появлялся в «*Пейнер Файберз*» в том, что называл про себя «гражданской одеждой», всегда переодевался, чтобы отправиться на один лестничный пролет вниз. Каждое утро он облачался в один из своих изящно пошитых костюмов и выбирал галстук из обширной коллекции. Он полагал, что бабочка под подбородком составляет необходимый противовес его слишком вытянутому лицу и незелегантным волосам, тонким, как у младенца, мышиного бурого цвета, норовившим торчать над ушами или на макушке.

– Ты можешь выкрутиться с помощью цветных галстуков, – сказала ему бывшая жена, дипломатично намекая на его довольно невыразительные черты – серые глаза, скорее водянистые, чем яркие, тонкие губы, мягкий, почти как у амурчика, нос. Пол никогда не переживал из-за своей блеклой внешности. В некоторых ситуациях она обеспечивала ценную невидимость; он подслушивал то, чего не должен был услышать, с ним были откровенны, ошибочно считая его безобидным. (Внешность *не всегда* работала в его пользу. Например, недавно он пригласил пообедать юную поэтессу, переписка с которой по имейлу приобрела характер флирта. То, что его внешность по сравнению с мускулистым остроумием на письме ее разочаровала, стало ясно сразу по выражению ее лица. Что ж, он тоже был удивлен. Удивлен, когда обнаружил, что она и близко не напоминает свою фотографию с обложки – с блестящими волосами, полуприкрытыми глазами и влажными губами в стиле *иди-ко-мне*.)

Пол ценил рутину и привычки. Он каждый день ел одно и то же на завтрак (миску овсянки и яблоко), потом шел на утреннюю прогулку вдоль Фултонского паромного причала. По выходным он не отклонялся от маршрута и стал специалистом по хронике набережной во всех ее сезонных изменениях. Сегодня дул яростный ветер, трепавший смельчаков, отважившихся выйти на улицу; Пол склонился ему навстречу, продвигаясь вперед, и покрепче затянул шарф на шее. Он любил реку, даже мрачной нью-йоркской зимой, любил ее стальное серое мерцание и грозные шапки пены. Ему никогда не надоедал вид на гавань; он всегда чувствовал, что ему повезло быть там, где он есть, в месте, которое он сам выбрал для жизни.

Направляясь к концу Фултонского причала, Пол увидел знакомую фигуру Лео Плама, сидевшего на одной из ближайших к воде скамеек. Лео и Пол временами работали вместе. Лео взглянул на него и помахал. Пол ускорил шаг. На самом деле он уже с нетерпением ждал дней, когда Лео присоединялся к нему на скамье. Надо полагать, думал он, в мире случались вещи и постраннее.

Пол был вне себя от злости, когда журнал «*Спикиз*» закрылся и Лео не позвал его делать сайт, который в итоге превратился в «*Спикиз Медиа*». Лео взял не всех из печатной версии журнала, но тех, кого считали самыми умными и самыми востребованными, а Пол всегда полагал, что он как раз из них. Возможно, он и не был самым талантливым автором, самым страшным репортером, но он был надежным, способным и целеустремленным, а разве это ничего не стоит? Он соблюдал сроки, сдавал чистые экземпляры и впрягался везде, где был

нужен, даже если это и не входило в его обязанности. Он делал все, что обычно нужно делать, чтобы получить то, что хочешь. Он был *хорошим*.

То, что никто не удивился, что Пол не уходит с Лео, тоже было ударом. Он ожидал пораженных взглядов, ожидал, что его будут манить пальцем за закрытую дверь и спрашивать: «Лео тебя не берет? *Тебя?*» Когда этого не произошло, он понял, что остальные тоже не считали его желанным выбором.

Он как-то собрался с духом и спросил Лео об этом.

– Андервуд, это просто не твое поле, – сказал Лео, положив тяжелую ладонь Полу на плечо и глядя ему в глаза, как умел только Лео – так, что тебе сразу становилось лестно, что ты занимаешь его внимание, и немножко мутилось в голове, ты терял мысль. – Тебе бы там не понравилось. Ты человек глубокий. Я с тобой так не поступлю. К тому же платить буду гроши.

Пол какое-то время утешался этим объяснением. Он, наверное, и в самом деле возненавидел бы сплетни; Пол и правда специализировался на долгосрочных культурных проектах. И работать задаром он не хотел. Но потом Пол выяснил, что Лео нанял редактором контента в новый «*Спикизи*» Гордона Фитцджеральда. Гордон интересовался сплетнями не больше, чем Пол, и Пол был уверен, что тот задарма работать не станет. Пол был начальником Гордона – он его и нанял! – он знал, что от Гордона одни проблемы, он пьет и он первостатейная сволочь. Спустя несколько месяцев после ухода Лео Пол охотно делился мнением по поводу его новой затеи: «Потонет через полгода». Он, конечно же, был до смешного неправ.

Пол не знал, почему Лео оказался в клинике: известны были только самые общие контуры, а Беа помалкивала. Жену Лео, Викторину, видели в городе с разными завидными холостяками. Лео, казалось, сошелся (*опять*) со Стефани Палмер и жил у нее в Бруклине. «Порше» у него больше не было.

Когда Лео однажды ноябрьским утром появился у Пола в офисе, якобы в поисках Беа, Пол не придал этому значения. Но Лео задержался на несколько часов, разнюхивал, что и как, задавал вопросы о расписаниях выпусков, о дедлайнах по рекламе, продажах печатных экземпляров, подписке и финансах. Он хотел знать, как журнал представлен онлайн (почти никак), какие у него отношения с авторами (крепкие) и как Пол планирует расширяться, если планирует – «Если у тебя будут необходимые средства?».

И тут Пол решил, что все понял.

– Тебя прислал Нэйтан, – сказал Пол. – Вы опять работаете вместе.

Это было разумным объяснением; они раньше были партнерами, и Пол думал, что его недавняя встреча с Нэйтаном была многообещающей. Лео посмотрел Полу в глаза, казалось, со значением, и сказал:

– Официально? Нет. *Официально* – просто заглянул по дружбе.

– Понимаю, – сказал Пол.

Он не понимал, но от души надеялся, что Лео пришел, неофициально или официально, как угодно, по делу Нэйтана. На одной из бесчисленных вечеринок, которые он посетил в декабре – он не помнил, на какой именно, они все слились воедино, с этим дешевым просекко, восковыми кубиками сыра и капкейками без глютенa, – один из прежних коллег по «*Спикизи*» упомянул, что слышал, будто Нэйтан подумывает открыть литературный журнал – или вложиться в существующий.

– Убытки списывать? – спросил Пол, не представлявший себе другой причины.

– Думаю, тут больше вопросы эго, – сказал его приятель. – Нечто респектабельное и интеллектуальное, чтобы уравновесить все остальное.

«Все остальное», Пол знал, относилось не только к скандальной природе существования «*Спикизи Медиа*» онлайн, но и сайту мягкого порно, приносящему компании основной доход.

– Не знаешь, кто у него на примете?

– Понятия не имею. Ты бы ему позвонил. Деньги, которые он собирается выкинуть, для него тьфу, мелочь, но с твоей точки зрения, наверное, очень неплохи.

На следующий день Пол сел на телефон, пытаясь назначить встречу. Удерживать «*Пейпер Файберз*» на плаву иногда было все равно что пытаться переплыть Атлантический океан в дырявом ялике. Он постоянно затыкал одну дыру, чтобы тут же появилась другая, потом еще одна, и ему столько раз казалось, что его предприятие потонет, что он сбился со счета.

То, что здание принадлежало Полу, не только позволяло ему жить и работать здесь бесплатно, но и приносило кое-какой доход от арендаторов. Его хватало на (довольно скромную) зарплату себе, Беа и еще одному штатному сотруднику (выпускающему редактору которая тратила большую часть времени на заполнение заявок на гранты и разговоры с потенциальными жертвователями, а также на то, чтобы имеющиеся попечители не виляли). у «*Пейпер Файберз*» была надежная база подписчиков – пока была, – и журналу даже удавалось получать неплохие рекламные заказы, но этого не хватало, чтобы покрыть все расходы на авторов и поддержание всех сопутствующих проектов.

Внешнее финансирование поступало в основном от двух престарелых тетюшек Пола, сестер его покойного отца, которые не вышли замуж и относились к Полу как к сыну. Они были из тех старых ньюйоркцев, что много десятков лет живут в одной квартире с фиксированной платой, где-нибудь недалеко от Линкольн-центра. Ненасытные читательницы, увлеченные путешественницы, завсегдатаи всевозможных чтений и бродвейских представлений по средам²⁰. у них был абонемент на балет в Карнеги-Холл и в «92Y»²¹, а еще лежа на стадионе Ши. Каждый январь, с тех пор как Пол начал выпускать журнал, они присылали ему невероятно щедрый чек. «Фонд Сестер», как он это называл (и как записал в перечень жертвователей, от чего они пришли в восторг) позволял ему платить авторам и пару раз в год выпускать небольшим тиражом книги – сборники поэзии, иногда новеллы или собрание эссе.

Два года назад январский чек слегка усох. Год назад усох еще, а в прошлом месяце сократился ровно вдвое по сравнению с тем, что бывало прежде. Пол никогда бы не стал задавать вопросы, но беспокоился, что что-то могло случиться, а тетюшки ему не говорят. Он пригласил их, как всегда в январе, чтобы поблагодарить за взнос – выпить в отеле «Алгонкин» и пообедать в стейкхаусе «Кинс». Не успел Пол спросить, все ли у них в порядке, они сами заговорили об уменьшившемся чеке – по вечной своей привычке как один человек. Он уже привык к их эксцентричности, но, когда они иной раз заходили к нему в редакцию – «просто осмотреться», – понимал, как их воспринимают другие. «Как дамы из «Серых Садов»²²

²⁰ Многие бродвейские шоу делают скидки на дневные представления, чтобы привлечь пожилую аудиторию.

²¹ Культурный центр на Девяносто второй улице в Нью-Йорке.

²² Фильм Майкла Сакси (2009).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.